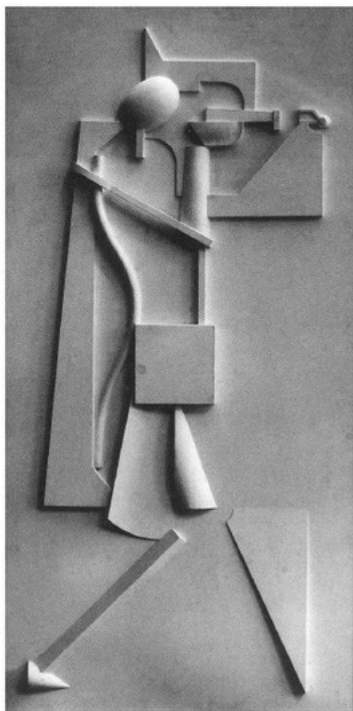

Георгий Балл

Круги и треугольники

Георгий Александрович Балл

Круги и треугольники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050357

Круги и треугольники. Книга рассказов:

ISBN 978-5-91827-043-3

Аннотация

Георгий Балл – автор более тридцати взрослых и детских книг. Его рассказы и повести в разное время публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир», «НЛО», «Дружба народов», а также в периодических изданиях Франции и США. Работа писателя в жанре короткого рассказа была отмечена несколькими литературными премиями.

Проза Георгия Балла глубоко самобытна. Ее трудно отнести к определенному направлению в литературе. Скорее всего, это – притча, написана «летучими» словами. Рассказ на грани жизни и смерти, когда его края и четко очерчены, и одновременно весьма условны. Главное, что в прозе писателя земное бытие с его тоской, надеждами и одиночеством дышит свободно и легко, и оно так же естественно в какой-то момент уходит в бесконечность. Небо ведь близко, всегда рядом.

Содержание

Предисловие	4
Две свадьбы	8
Свадьба Мейдл	8
Дыра	26
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Георгий Балл

Круги и треугольники.

Книга рассказов

Предисловие

Предложение написать предисловие к книге Георгия Александровича Балла поначалу вызвало у меня неловкость: вроде бы не по чину – представлять читателю автора, которому по возрасту годишься в сыновья, если не во внуки. Но на самом деле именно в этой не вполне обычной ситуации есть большая правда – и даже двойная. Во-первых, именно так вообще устроено воспроизводство культуры: только то и остаётся, что принимают на ура дети и внуки. А во-вторых, лично и непосредственно Георгий Балл на моих глазах половину девяностых и добрую долю двухтысячных провёл, можно сказать, в роли молодого автора: участвовал в сетевых литературных конкурсах, выступал, в лихо надвинутой на глаза бейсболке, с чтением своих сочинений на пару с Данилой Давыдовым – и было это совершенно органично, потому что и в текстах Балл владеет ровно этим же искусством: органично, без следа специальных усилий, встраивать свой голос, особую щемящую лирическую интонацию, в любые,

сколь угодно причудливые контексты.

Невозможно быть современным по принуждению, лишь ради того, чтобы за кем-то другим угнаться. Недостаточно то и дело упоминать в текстах Интернет или мобильный телефон, чтобы они прочитывались как портрет эпохи. Но Балл и подаёт всякую эту технологическую новацию как недостижимую сладкую небывальщину, до которой толком не дотянешься: даже распоследний пейджер не достаётся пассажиру электрички Якову Норкину, заплатившему за него сполна, что уж говорить о Грише Фридкине, чаявшему благодаря «беспощадной магнитоструктуризации» сделаться «радиоактивно молодым». А тебе, читатель, кажется, что вот оно всё, у тебя в кармане и под рукой? Может, и правильно кажется, но тогда ты получаешь голую технологию, ценную исключительно с прагматической точки зрения, – а у Балла ко всякой вещи прилагается ещё и миф о ней (так в ранних текстах, задолго до всякого Интернета, всей полнотой мифологического бытования была наделена не только лодка, что нехитро, но и, скажем, грузовик).

При этом миф не сводится же к невинной сказочке. Он непременно восходит к какой-то древней стихии (у Балла по большей части к стихии Земли – впрочем, и с воздушной стихией многие его персонажи накоротке, то и дело норовя улететь), у него особый ход времени – зачастую не столько ускоренный или замедленный, сколько нелинейный, циклический (да ведь и сам Балл, см. выше, разом стар и молод).

Более того, миф тотален: он втягивает в своё пространство всё, с чем соприкасается, вплоть до мельчайших деталей быта. Всякое действие – мистерия. Даже когда бродяга торгует тараканами на Птичьем рынке, даже когда полупарализованная старуха опорожняется под себя. Один только Платонов, может быть, так же готов видеть мистериальный смысл в любом слове и жесте любых своих персонажей – но у Платонова это в эпосе, непосредственным содержанием которого как раз и выступает попытка преобразования человеческой жизни в мистирию, а у Балла жизнь мистериальна просто так, это данность, задевающая героев как бы невзначай и резонирующая с их лирическими переживаниями, с их очень частными историями. При этом родовое и этническое начало присутствует в этих историях почти всегда – но как иллюзия, ложный след: «ошибка вышла: не Жид вечный, а земля вечная» – свой мистериальный сюжет каждому разыгрывать со стихией в одиночку.

Верней сказать, не в одиночку, а с тем, к кому лежит сердце. И это тоже в некотором роде парадокс: мифопоэтическое мышление Георгия Балла неизменно оказывается антропоцентричным. И это, надо сказать, вдвойне поучительно с учётом снова входящих в моду спекуляций о том, что авангардисты и новаторы-де ставят свои лабораторные опыты, а душой человека интересоваться не желают. И очень даже желают – но только так, чтобы этот интерес открывал в итоге какое-то новое знание и понимание, какую-то перспек-

тиву: вширь, вглубь или ввысь.

Всё это, разумеется, не отменяет того, что в определённом смысле проза Георгия Балла – уже часть истории, глубоко укоренённая в 60–70-х годах прошлого века, рядом с прозой Генриха Сапгира и Игоря Холина (чьей памяти в этой книге посвящены прочувствованные тексты – не траурные, а экзатические, то есть тоже взывающие к мистериальному началу), в чём-то родственной, а в чём-то глубоко отличной прозой мэтров питерского андеграунда (скажем, Бориса Дышленко)... Но времени с тех пор миновало изрядно, и многое из того, что виделось литературным мейнстримом, с наивозможным почтением сдано в архив, на попечение Букеровского комитета etc. А вот эта проза – неожиданная, негладкая, сбивающая с толку то мнимым простодушием, то открывающимися безднами, – живёт себе. И дай ей Бог.

Дмитрий Кузьмин

Две свадьбы

Свадьба Мейдл

Хор: Мы вытащили столы во двор дома № 34 по улице Новый Грачик, или, лучше сказать, Новый Герчик.

И, как всегда бывает на свадьбах, в ожидании несчастья, мы поем и веселимся.

Спикер: Песня матери невесты во время уборки комнаты.

– Мейдл, где та бутылочка?
Где та веревочка, Мейдл?
Если ты найдешь ту бутылочку,
Привяжи к ней веревку!
Мы положим в бутылку наше горе,
Только крепче ее завяжи,
Смотри же, крепче ее завяжи,
Да потяни за веревку,
Да брось бутылку в реку!
Не медли, брось бутылку в реку!
Пусть река унесет бутылку в море,
Подальше пусть река унесет бутылку в море!
И если море станет чуточку соленым,
Какое нам дело, Мейдл?
Так где же та бутылочка, Мейдл?

Спикер: Свадебная песнь Мейдл-невесты, которая кру-
тится перед зеркалом и отчасти показывает свои прелести.

– Ку-рин, ку-рин,
Эндо, бендо, чендо, мендо-гук!
Ничего не значит это – гук!
Ничего не значит это –
Ку-у-рин, ку-у-рин,
Ничего не значит это –
Эндо, бендо, чендо, мендо-гук!
Ку-рин, ку-у-рин,
Эндо, бендо, мендо, чендо-гук!

Спикер: Свадебная песнь отца невесты.

– Если вы хотите,
Если вы хотите,
Если вы хотите
Посмотреть на старую больную жену,
Скорее к нам! Скорее к нам!
У нее – болит,
Нога болит – да,
Рука болит – о!
А что там на спине?
Нет, что там на спине?
Так если вы хотите,
Если вы хотите,
Если вы хотите

Посмотреть на старую больную жену,
Скорее к нам! Скорее к нам!
Второй этаж, третья дверь
Налево, налево,
Только не споткнитесь,
Ради Бога, не споткнитесь,
Чтобы у вас нигде не заболело...

Хор: Смотрите, отец невесты полез открывать форточку, и форточка вывалилась наружу, и он себе порезал-таки руку и, конечно, разбудил малыша-вундеркинда, брата Мейдл, которому два месяца. Брат Мейдл встал в своей люльке и сказал, что это когда-нибудь должно было случиться. Особенно с этими старыми домами на улице Новый Грачик. И папаша сказал: твоя сестра выходит замуж, твой папа порезал палец, и кругом столько несчастий, что ты мог бы помолчать и перестать философствовать хотя бы в такой торжественный день. И тогда вундеркинд замолчал.

Спикер: Свадебная песнь матери невесты, которая сидит в убранной комнате со своим несчастьем.

– Петушок запел около моего окошка:

Лей, лей, лей,

Лей, лей, лей,

Лей!

Люди, соберите зернышки!

Те зернышки, что просыпались из дырявых мешков,

Бесполезно просыпались на землю...

Накормите моего петушка!

Кто прогонит теперь тишину из моего дома?

Мейдл, приди и прогони!

Мейдл, ты меня не слышишь?

Только петушок поет около моего окошка:

Лёй, лёй, лёй, лёй,

Лёй, лёй, лёй, лёй,

ЛЁЙ!

Хор: Мы заторопились. Мы стараемся нарядиться. Потому что кто-то кому-то сказал, что на свадьбу придет сам Мухеншток со своими семью сыновьями. О, Мухеншток и твои семь сыновей! Они курят сигары, о, Мухеншток, ты тоже куришь сигару! О, Мухеншток, какое счастье, что ты к нам приедешь! О, Мухеншток! Со своими семью сыновьями!

Спикер: Свадебная песнь отца жениха, когда в его дом пришли родители невесты, и он показывает им обстановку.

– Вы думаете, это кусок полыни?

Нет, это розы!

Их прислала в наш дом королева Испании!

Я ее видел по телевизору,

Ой, лори-лори-мирчик,

Ой, лори-лори-мирчик!

Красивая такая дамочка.

А может, мы с ней познакомились на балу?

И я случайно ей сказал: мой сын женится.

Конечно, я зря проболтался,

Может, ни к чему так хвастаться?
Хотя в Испании или где-нибудь роз хватает.
Особенно для королев.
А вы-то думали, что это кусок полыни?
Нет, это розы!
Ой, лори-лори-мирчик!
Ой, лори-лори-мирчик!
Это – розы.
Вы можете их пощупать...

Спикер: Хор философов, приглашенных по случаю свадьбы с улицы Новый Грачик, дом 34.

– Луг еще в цветах!
Ой, луг еще в цветах!
Вы будете, как земля!
Вы будете, как вода.
Не делайте так, не делайте так, не делайте так.
КАК?
Наденьте помягче обувь.
Самую мягкую обувь,
Вы пойдете по праху,
По праху наших надежд,
Не делайте так,
Не делайте так,
Не делайте так, Чтоб семя
Зря изливалось в землю,
Подумайте, зачем вам это нужно?
Нет, скажите, ну зачем?

Зачем?! Зачем?!
Луг еще в цветах!
Ой, луг еще в цветах!
Вы будете, как земля!
Вы будете, как вода!

Спикер: Хор прерывается криком матери:

– Мейдл, они уже пришли!
Скорей надевай то свое платье!
Ты в нем, как розочка!

Спикер: Песня дедушки невесты, когда к нему привели жениха, чтобы старик мог с ним познакомиться.

– Ой-ой-ой,
Э-э-э-э...
Ой-ой-ой...
Э-э-э...
Ой-ой-ой...
Стыдно!
Ой-ой-ой-ой...
Стыдно час,
Стыдно два,
Стыдно год,
Стыдно жизнь.
Жизнь – одна...
Бегите от стыда!
Бегите вы все!

Я останусь один,
Совсем один!
Не могу взять ложку,
Чтоб она не тряслась, как ветка Ириса,
Может, взять мне ветку Ириса с белыми цветами?
Но она тоже трясется!
Может, мне взять пушинку,
Что спряталась в ветках Ириса?
Но и она дрожит!
Может, так было всегда?
ЧТО?
Может, мне подсунули плохой Ирис?
ЧТО?
Может, мне досталась слишком тонкая пушинка?
Ой-ой-ой-ой...
Ой-ой-ой-ой...
Стыдно мне!
Стыдно!
Бегите все!
Бегите!
Оставьте меня одного!
Ведь рука моя сжимала кожаный ремень
С серебряными колечками уздечки,
И конь не дрожал,
Может, это был каменный конь?
Может, это была не кожаная, а каменная уздечка?
Каменная, украшенная серебряными кольцами?
Наверно, было так...
ЧТО?

Ведь теперь даже серебряная ложка,
Даже ложка дрожит, когда я смотрю на нее!
Когда я только смотрю на нее!
Стыдно мне!
Стыдно!
А ты, сынок?
Что ты тут делаешь?
Зачем ты сюда пришел?
Можешь ты схватить каменного коня
За каменную уздечку?
Так что ж ты медлишь?
Скорее хватай его!
Ой-ой-ой...
Скорее...
Ой-ой-ой...
Стыдно час!
Стыдно год!
Стыдно жизнь!
А может, не стоит торопиться, сынок?
Если можешь, не очень торопись...
Ой-ой-ой...
Если только можешь...
Э-э-э-э-э...

Хор: Ах, каких троеперых петухов там приносили! Этим петухам можно позавидовать! Они буквально сидели на сковородках в собственном соку. И хотя мы уже наелись бутербродов и селедки, все глядели на жареных петухов! Тогда ма-

маша, чтобы отвлечь гостей, попросила невесту спеть. Невеста смущается и не поет.

Спикер: Свадебная песнь Шурика, которого не пригласили на свадьбу, и он не хочет уходить с тротуара напротив двора.

– А ты мне сказала,
А я тебе говорил:
Помнишь, с тобой прижимались у моста?
Помнишь?
А ты мне сказала,
А я тебе говорил:
Эй, Мейдл, Мейдл,
Я был готов проклясть
Тебя прекрасными стихами!
Но факты!
Факты теперь будут срывать с тебя одежды!
И ты останешься в том,
В чем и должна остаться!
Но почему Ты не хочешь,
Чтоб я был с Тобой рядом?
Может, у Тебя переменялись планы?
Пусть так – я это понимаю.
Но покажи хоть свою пушистую головку в окошко!

Спикер: Гости съезжаются.

Хор: Это двигаются бульдозеры. Мы еще успеем выпить, о-о-о-о! Закусить! Скорее бы принесли этих петухов!

Спикер: На свадьбу прибыл Соли Хендрик Наум Герцович. Соли Хендрик Наум Герцович занимает свое место.

Спикер: Вот Карл Арон. Он потерял свои очки. Он развратник, сорви-голова, близорукий человек. Когда-то, у какой-то бе... он оставил деньги, паспорт и очки с толстыми стеклами. Вот почему Карл Арон ищет свое счастье без паспорта и очков.

Спикер: На свадьбу прибыл граф. Дальний родственник жениха. По материнской линии. Несмотря на свою занятость, он сказал, что ему нужно на свадьбу и отпросился у короля. И король ему разрешил отлучиться только на четыре дня. Если не прибудет назад, ему будет неприятность по службе, включая гильотину или еще что-нибудь похлеще! Вот почему граф прилетел быстро, как птенчик! И он все время нервничает и смотрит на свои золотые часы.

Спикер: На свадьбу прибыл индийский гость, с которым жених познакомился во время своей поездки в Польшу.

Спикер: Проснулся вундеркинд. Свадебная песня вундеркинда, брата Мейдл, очень нервного ребенка.

– Мне уже целых два месяца!

И никто не потрудились вытащить меня из этой колыбели!

Что сегодня за суматоха?

Почему никто не подходит?

Или, может быть, я опоздал родиться вундеркиндом?

Ой, мамочка-мама, как соединить несоединимое?

Мне хочется сразу и встать, и лежать,

Эндер, мендер, лит!
У-ка, у-ка, люрличка,
Эндер, мендер, лит!
Что кушаешь, мой носик?
Разве он сахарный?
У-ка, у-ка, люрличка,
Эндер, мендер, лит!
Приезжай к нам в Индию,
Будешь большим паном!
Вот таким, вот таким
И еще побольше!
У-ка, у-ка, люрличка,
Эндер, мендер, лит!

Хор: В разгар свадьбы прилетела добрая фея. “Евреи, – сказала добрая фея, – вам будет хорошо. Это я вам говорю, фея”. Ей сразу дали кусок гуся, и она улетела. Может быть, ей не надо было давать кусок гуся?

Спикер: Песня соседки, которая без приглашения пришла на свадьбу.

– Давайте веселиться!
Давайте веселиться!
Невестушка, давайте веселиться!
Я никогда ни у кого не занимала денег!
Правда, лет пятьдесят назад
Во время землетрясения
Лампой убило моего дедушку,

Или он просто сгорел.
Никто не знает!
Да и кто теперь это помнит,
Вы ж понимаете, это было не вчера!
И мне пришлось занять денег!
А недавно, я уж и сама забыла,
Все-таки, как-никак, а годы...
Начался косой дождь с градом.
Помните, в нашем доме пробили крышу,
И попало на моих братьев и двух дочерей?
Их не стало.
Так снова пришлось обратиться к добрым людям!
А разве сейчас у нас мор?
Или пожар?
У нас же свадьба!!!
Так давайте веселиться!
Женишок!
Невестушка!
Или дайте мне денег на новые несчастья!

Спикер: Песня матери жениха, которая сидит в кухне и боится, что у нее опять попросят деньги.

– Три соринки попали в мой глаз,
Три соринки.
О-о-о-о-о...
Я заплакала правым глазом,
В который попали соринки!
Две соринки куда-то исчезли,

Кто о них теперь помнит?

Зато одна вместе со слезой осталась на моей ладони,

О-о-о-о...

И я держала ее, и я качала ее,

Я не знала, что из нее поднимешься ты, мой мальчик!

Я столько думала о тебе,

Я столько думала о тебе,

Что не заметила, как ты поднялся –

Слишком быстро ты поднялся!

И мне пришлось второй рукой сжать твой кулак

Вот так!

О-о-о-о...

Это стоило мне сил!

Так быстро ты рос!

Так быстро, что пробил мне руку,

Пробил,

О-о-о-о...

И вместе с кровью ушел!

Где ты теперь, мой мальчик?

Хор: Несут, несут двух деток! Их кладут в люльку рядом с вундеркиндом. Мы очень заволновались, потому что сильно покраснел жених. И мы сказали: посмотрите, как сильно покраснел жених и как крепко держит его мать невесты!

Спикер: Песня жениха.

– Каждую весну

Тополь выбрасывает побеги!

Скоро мне топать, топать, топать.

Ха!

Воробей сидит на ветке!

Воробей не сделает много навоза.

Ха!

Что ты распушил свой хвостик, воробушек?

Почуял весну?

Ха!

Каждую весну тополь

У кого-нибудь куда-нибудь

Какого-нибудь сборного пункта

Выбрасывает новые побеги!

Скоро мне топать, топать, топать,

Хоть я и не сделаю много навоза!

Ха!

Хор: Смотрите, смотрите, отца жениха в качалке спускают с третьего этажа и вкатывают на почетное место! И он там на некоторое время засыпает.

Спикер: Разговоры гостей за столом:

– Я не хочу, чтоб они рожали новых музыкантов.

– Я никогда никому не говорила “Нет”.

– Я тоже хочу быть пьяницей и развратником!

– Скоро сюда придут бульдозеры и сравняют с землей эти проклятые домишки!

– А это обязательно?

– Конечно! Вот они уже идут!

– Лейлечка, Лейлечка, ГОП!

– Лёйлечка, Лёйлечка, ГОП!

– Дедушка, проснись, дедушка! Смотри, сюда идут бульдозеры. И они сравнивают с землей эти домишки. Смотри, какие у них красные носы.

– ЧТО? Это не бульдозеры, это приехал Мухеншток со своими семью сыновьями.

– Когда же, наконец, принесут пирог?

– Теперь надо танцевать!

– Смотрите, они совсем рядом – эти бульдозеры!

– Давайте танцевать! Давайте танцевать! О, Мухеншток!

Хор: Младенец-вундеркинд встает в своей люльке. Что делает люлька, нас уже не интересует. Да и кого может интересовать люлька, если встал вундеркинд.

Все (*громко*): Тише! Тише! Сейчас будет говорить вундеркинд. Вундеркинд: Я вундеркинд! О, как мне трудно говорить. Я ведь почти не родился, а уже должен их укачивать. Все (*громко*): Тише! Тише! Он говорит.

Вундеркинд: То, что вы все видите, это на нас надвигаются бульдозеры. Вы спрашиваете, почему они пришли именно сейчас, когда мы выдаем замуж Мейдл? Начнем с самого начала. Кто создал эту землю – бульдозеры или Бог? Я вам скажу: не бульдозеры. А зачем они к нам пришли? Богу уже давно понятно: надо или кончать с этой землей, или танцевать.

Все: Что сказал этот умный ребенок?

Вундеркинд: Перестаньте бояться. Я вам скажу настоя-

щую правду: вы потеряли веру в Бога.

Все: Неужели он прав? (Делают большой шум).

Вундеркинд: Это для вас новость? Да, вы потеряли веру в Бога. Но огорчайтесь не совсем. У нас осталась невеста. Мейдл хочет замуж.

Все (*с облегчением*): Да, она хочет.

Мейдл (*опускает из скромности глаза*).

Вундеркинд: Так у нас все-таки свадьба. Люди, давайте танцевать.

Все: Танцевать на свадьбе – это хорошо.

Вундеркинд: Теперь, кажется, я могу лечь в свою люльку.

Все: Нам страшно.

Вундеркинд: Ой, я опять должен встать из люльки. Поглядите внимательно: это же не бульдозеры, это Мухеншток и его семь сыновей.

Все: Рушится земля.

Вундеркинд: Не надо этих глупостей. Мухеншток закурил сигару.

Все: Мухеншток закурил сигару. И нам совсем не страшно. Мы танцуем.

Вундеркинд: Люди, как я вас люблю. Особенно Мейдл. Ведь это ее свадьба.

Все (*танцуют*): О, Мухеншток, о, Мухеншток и его семь сыновей.

Вундеркинд: Я этого еще не могу понимать, но мне кажется, у Мейдл груди расцвели, как райский сад.

Все (*подхватывают*): О, райский сад, о, райский сад.

(Танцуют). О, Мухеншток и его семь сыновей, скорее к нам, в наш райский сад, в наш райский сад.

Спикер: На всякой свадьбе бывает кто-то, кто ни во что не верит. Он сомневается, ему кажется, что земля трясется, земля уходит из-под ног.

Все: Не слушайте этого скептика. Мухеншток закурил сигару.

Спикер: Все поют.

– О, Мухеншток, о, Мухеншток,

Он закурил сигару.

О, Мухеншток, о, Мухеншток

И его семь сыновей.

О, райский сад, о, райский сад,

О, Мейдл, о, свадьба!

Спикер: Свадьба удалась.

Вундеркинд: Вот теперь я могу отдохнуть в своей люльке.

Дыра

Жизнь одной свадьбы

*Светлой памяти моего сына Андрея Демькина,
художника.*

...И последнее, что я забуду, будет наш городок Сажино. Экая важная штука – этот прыщавый городок умудрялся цвести до самой зимы. А зимой весь, по завязку, засыпанный снегом (старожилы не припомнят, чтоб у нас снег убирали, хоть лопатами, хоть снегоуборочными машинами), наш городок бодрился, чтобы как-либо исхитриться и все-таки продышать хоть небольшую дырку в жизненной хмурости, так понятной в нашей российской средневропейской заварушке, а когда вдруг, ранней весной, совершенно неожиданно-негаданно, точно сторублевку прибавили к зарплате, падал луч солнца, наш городок весь так и вздрогнет (привыкнув никому и ни во что не верить), но как тогда освобождено расцветали снега, будто свершалась поллюция. Наш городок молодец. Да. Это так.

На колокольне, отдельно стоящей от почти совсем разрушенного храма, уже много лет не просыпался колокол. И теперь надо думать, чтоб все восстановить, возродить.

О город, устремленный в будущее... Вечно ожидающий по Интернету невиданных щедрот от скупого, скукоженно-

го Запада. Зачем ты сразу не воспел? Зачем ты сразу не высеребрил дорогу понимания, когда... когда Адолия вошла в Интернет с плодоносной целью поиска (не опошлить!!! Поиск предмета, может, даже в пределах трансцендентального идеализма) кого-либо подходящего, пусть не такого молодого, но вполне заграничного, вошла невинно, вошла без донжуанских корреляций, а точнее, всей грудью своей молодости (по паспорту ей исполнилось не более двадцати трех лет), даже не то что вошла, нет, а вбежала, опушенная будущим счастьем, забыв все, даже свой компьютер, а погодные условия нашего городка это вполне позволяли, и, в какой-то мере, способствовали. Интересно отметить, что бытие продолжалось и за пределами Интернета, именно в эту минуту Нина Федоровна Куравлева, живущая ближе к оврагу (три дома от Адолии), закричала «Вась!» и, не получив должного ответа, вынуждена была добавить несколько редко встречающихся слов: «Что ж ты, пьяная рожа, спишь и спишь, совсем уела тебя водка, нажрался и дрыхнешь, а я горло надорвала, да проснись ты, слышишь, корова у нас отелилась». И, уже совершенно подчиняясь своей российской женской доле, сама пошла управляться и с коровой, и с телятком, таким образом, все это дает повод задуматься, простое ли это совпадение, или тут мы можем наблюдать двигательный момент, когда душа, освобождаясь от быта, уносится к высшему, и ее готовность к дальнейшим потрясениям не только в отдельной местности, а гораздо шире, державнее, и никто, разуме-

ется, из живущих у нас, не мог предположить, что Адолия
путем обычного Интернета выйдет на своего Англичанина.

Вам довелось

Прыгать с парашютом

Охотиться на львов на сафари

Спускаться с аквалангом на дно моря

Узнать красоту Карибских островов

Оседлать дикого мустанга

Плавать наперегонки с дельфинами

Выиграть миллион долларов

вание с любовью? И вообще, что такое любовь?

Если коротко – удача и еще удивление, желание, радость и горе. Эх, если бы Адолия знала бы, то что?... поиск и... еще раз поиск... Любовь – это поиск... Любовь – это АН-ГЛИЧАНИН.

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

Сохрани свое здоровье! Зайди в магазин. Купи бутылку... нет, совсем не то, что ты подумал... А все началось еще в начале XX века, точнее, в 1908 году молодой технолог Ирина Сахарова, владеющая всеми тонкостями молочного производства, отправилась на Северный Кавказ, чтоб раскрыть тайну приготовления целебного молочного напитка – кефира. Только горские народы умели готовить этот напиток, но хранили рецепт в строжайшем секрете.

Путешествие было полно приключений.

Князь Бек-Мирза Байчаров, крупнейший поставщик кефира, выкрал Ирину и решил на ней жениться. Так все кончилось свадьбой.

Купи бутылку кефира!!!

Пей кефир, это освободит твой желудок от многих неприятностей!

Вот, однако, понятно, почему нам нужно не просто компьютер, а чтоб он непременно был подключен к Интернету, что великолепно сечет и пятилетний ребенок. Условие

необходимое, однако не единственное, чтобы некто приехал в наши Палестины из туманного Альбиона, и в таинственной глубине произрастает некий корень, для простоты скажем *inner der natur*, то есть его должна взрастить сама природа.

Мы стремимся кратчайшим и наиболее выразительным способом скорости и мощи письма интегрировать репрезентативные формы в единый метаигровой универсум, и Витя – подполковник, сильно немолодой, сильно пьющий, сильно на пенсии, со всеми уважительными орденами и медалями, включенными в его знакомый каждому жителю нашего городка истрепавшийся пиджачок, неукоснительно встававший из любых ямок и колдобин к шестичасовому утреннему поезду, чтобы доставить подписчикам центрально-правительственные газеты и другую почту, а накануне он находился в предельной сфере алкогольного опьянения, из реалий его частной жизни добавим, что он в странствии времени успел умереть, но даже косвенным образом это не коснулось его обязанностей, кстати, никто их на него не возлагал, но за несколько минут до шести утра Витя принес страшную весть. Все газеты писали о разрушительном тайфуне, пронесшимся над Великобританией.

Тайфун получил имя Элеонора... Одна из газет вышла с таким заголовком: «Элеонора рассердилась». Далее шло описание того, что Элеонора натворила – снесены дома, улицы превратились в русла рек, перевернуты машины, отклю-

чилось электричество и так далее... Приезд к нам Англичанина под большим вопросом. Простое ли это совпадение? И не скрывается ли за этим бурливым фактом, под одеждой вздыбившей природы, с неоправданным киданием на береговые утесы, с распущенными волосами текучих волн, уничтожающих все на своем пути, обычная женская истерическая ревность? Мы ничего не утверждаем. Путь в Интернет никому не заказан. Имя еще ничего не говорит о возрасте. И не скрывается ли в тайфуновском парике злобная старуха? Завистливая. Со вставными зубами. Она кричит о себе и безобразничает, брызгая слюной. Отвратительно. Наблюдая отсюда, из Сажино, скажу откровенно, Британия – это не Бурунди, там пресловутое спокойствие и королевское величие. Теперь для нас, в Сажино, вся надежда на нашего интернетовского друга, на его волю, силу духа, благородство, мы достигли крайних пределов натурализма, когда уже нет сил терпеть и необходимо справить малую нужду, и только мистическая тень способна укрыть Адолию, а также всех ей сочувствующих, и вот замечательный факт: он, покинув Интернет, один должен был воплощать в себе истинного джентльмена. Англичанин, явись и спаси престиж Великобритании. Как поется в гимне, правь Британия морями! Пусть беззубая тайфуновская старуха отойдет в сторонку. Естество времени, страсть молодой души приоритетнее опыта старости. С вершин таких надежд, таких сладостных и прочее... Англичанин явись! Здесь тебя ждут.

Самое ужасное для Адолии – ожидание, и после того знаменательного момента, когда она обнаружила в запутанной паутине Интернета своего Англичанина, не знаю как лучше и наиболее емко сказать, в ее сердце или, уж совсем для простоты, в ее душе, да, проще в душе, так значит, именно там, во глубине Сибирских руд, нет, это откуда-то не оттуда прилетело, возгорелось, если будет позволено такое сравнение, весьма мощно возгорелось мифотворчество нестандартного характера, и в ней одной воплотились три классических образа: Вера, Надежда и Любовь. А между тем, три эти девушки, что не противоречит ни старому, ни новому реализму, жили совсем недалеко от дома Адолии.

Адолия запыхалась. Вернее, расстегнулись пуговицы на ее кофточке, оплодотворенной золотой искрой. Верхние пуговицы сами собой расстегнулись. А одна-то, одна совсем оторвалась. И закатилась под стол. Надежда, было, полезла под..., чтобы ее найти... Юбка сзади и вообще все сзади...

Пришел

Не пришел

Пришел

Не пришел

Я смотрел на этих девушек. Боже мой, какие же вы... Тут и Никаноров подрос. Я, кстати, вспомнил, что у Вити-подполковника была эта самая фамилия.

Адолия поскорее запихнула в себя поглубже все три классических образа – и Веру, и Надежду, и Любовь... А пугови-

ца? Где пуговица? Юбка сзади. Быстро там, сзади, провела взволнованной рукой.

Разрушительное действие мысли. Именно мысли разрывают одежды, раньше, чем это положено. Беда. Но ничего. Справимся. Набухающее напряжение у нас тут, в Сажино, и легко могли бы взорваться пороховые склады, если бы они находились рядом. В конце-то концов, мы не строим из себя девственниц. Чего уж теперь темнить, коли наполовину вылез из Интернета...

Пришел

Не пришел

Пришел

Не пришел

И тогда Ирина Павловна запела любимый свой романс «Не покидай меня, голубчик. С тобою не увидим мы страны другой, страны другой... А если ты меня покинешь, мой дорогой, мой дорогой... Но я не верю... Нет! Я не верю, не верю я звезде иной, звезде иной...». Голос, мощный ее голос, меццо-сопрано, надрывал всем сердце. Всем ожидающим явления Чуда, и мы все с еще большим чувством мысленно повторяли слова, и глядели вдаль, где и должен был самоопределиться объект или субъект, путник с другого берега, при максимальной концентрации внимания нас всех, но, конечно же, в первую очередь, Адолии, еще не суженой невесты, только готовой, и по русскому древнейшему обычаю уже успевшей забросить чепцы за мельницу, да ведь од-

нова живем, не чурки мы... эх! Раз! Еще раз... голубым шелковым платочком над головой, а ноги, они сами... сами... Но Боже мой, где же он? Чего он медлит?

Пришел

Не пришел

Пришел

Не пришел

Англичанин был толст, да к тому же и стар (не с лица кефир пить). Стрижка на его круглой голове весьма короткая, колючим ежиком. И существующие до сих пор изображения могли быть плодом досужих художественных вымыслов, претендующих на древность ваятелей.

Подчиняясь какой-то нематериальной силе, Адолия сразу захотела именно такого Англичанина. Его голова была похожа на бильярдный шар, который просто необходимо загнать в лузу. В руках Адолия, естественно, не держала необходимого кия, а в подобной свадебной ситуации он (кий) легко заменялся обычной сердечной страстью, дающей верное и твердое направление удара, которое способен преодолеть любые заграничные моря и океаны, то есть явить невиданные чудеса профессиональной клавиатурной беглости. Откуда это? Откуда такая благозвучность и верность бифуркации мелодии? Мы ведь в Сажино, как по-простому, по-нашенски говорится, консерваториев не кончали, даже построенное еще в XIX веке на деньги купца Никиты Тропырина здание музыкальной школы с течением времени обрати-

лось в мастерскую по ремонту тракторов, но обвалившийся верхний этаж заставил сделать коровник, а в связи с ящурной болезнью коров и их подыханием пришлось круто изменить первоначальный проект, а точнее, кирпичи растащили на свои индивидуальные нужды, и на этом месте сохранилась лишь гора навоза, слежавшаяся в неразбиваемый камень.

– Кать, ты закрыла калитку?

– Поэзия человеческого очарования всегда была и будет.

– Не бормочи кулаком.

– Послушайте, что он говорит. Боже мой, что он говорит!

Люди, скажите ему, да разве можно «бормотать кулаком?»

Люди, скажите ему... люди...

– Успокойтесь, Мирра Евсеевна, в конце-то концов, разве вы выходите замуж?

– Да вы меня не поняли. Я бедный человек, живу на пенсию. Подумайте, какой Интернет, да если хотите знать, у меня не то что компьютера нет, телевизор три недели как сломался. (Сильно задыхается). И я не могу его починить... Нет, это не тот Англичанин. Я знаю англичан. Они все сухие, как маца к еврейской пасхе...

Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья вышли из калитки посмотреть на Англичанина, который возник из Интернета.

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

Скажи, в каком доме ты живешь, и я скажу, кто ты. Вы думаете, что только короли бежали суеты и прятались в темных позолотах дворцов. Да, то самость прошлых веков. Косность. Вы, нынешние нарушители схем и образов дворцовых призраков, смелее топчите усохшие мумии аристократического благородства! Помните, что говорил Сократ прежде, чем отправиться в иной мир: «Обогащайтесь и стройтесь». В Калифорнии, неплохо и в Испании. Бон Джови, кстати говоря, страдает клаустрофобией. Страдает настолько, что никогда (!) не пользуется собственным лифтом.

За 500 тысяч долларов вы можете без серьезных затруднений приобрести дачку-дворец на Лазурном берегу Франции.

Окна Бамо – счастье вот оно!!!

Все виды наращивания ногтей по технологии STAR NAIL.

Никоноров любил прохладное пиво. Был у него и свой коронный номер. Когда вся привычная компания, уже прилично приняв пиво, с прицепом разогревалась до полной прозрачности мысли, а пьяные мухи в пивной, отяжелев, падали в кружки, и когда появлялась возможность ретроспективным взглядом сравнивать цикличные заблуждения человечества, и когда наконец-то появлялась возможность в эти

абстрактные состояния человеческой души вставить живую конкретность, хотя, как я писал, Витя-подполковник успел умереть и успел этого не заметить, ведь есть нечто большее, чем смерть, а именно то, что хранил он в правом кармане пиджака, вот тогда он выдергивал оттуда фотографию.

– Между прочим, – пояснял Никаноров, – как вы можете, сами ополоснутым взглядом, то есть своими глазами наблюдать, как я, более, чем молодой, стою (показывал для еще большей верности указательным пальцем правой руки с желтым ногтем) вот тут, стою, вот он я, молодой, и вот какое окружение, представляете, всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин с бородкой клинышком жмет мне руку. Поздравляет с главным, самым почетным орденом. Всем видно? Смотрите. Только из моих рук. Я до войны занимался снабжением армии продовольствием. Кто-нибудь узнал Михаила Ивановича? Теперь вы знаете, кто я. Налейте мне. И если товарищ Калинин видит сейчас меня, то...

Никаноров закрывал рукой лицо, будто Михаил Иванович, оторвавшись от сложных дел, там, в ином мире, снова захочет вложить свои персты, а это уж не надо, не стоит беспокоить, а что было, то было. Вот он факт.

Уже много лет Витя-подполковник вырывает из своего дырявого кармана то щепочку, то ржавый гвоздь, то кусочек бумажки...

Пришел

Не пришел

Пришел

Не пришел

В саду у матери – Софьи, чей сад был вместительней сада Адолии, уже поставлены столы, и уже покрыты белыми скатертями (для этого использованы простыни сестер), а сестры Вера, Надежда и Любовь уже сидят во главе стола... Сама же Адолия хотела обратиться через Интернет к великому угоднику и провидцу Льву Николаевичу Толстому, чтобы окончательно уточнить время свадьбы.

Англичанина срочно нужно было усадить за стол рядом с Адолией в белом платье невесты, а спереди у нее совершенно подходящие к такому духовному случаю искусственные розы....

– Боже же мой, до чего она хороша! – вскричала Мирра Евсеевна, пробуя начать традиционный свадебный плач по невесте.

Пришел

Не пришел

Пришел

Не пришел

А между тем толстый Англичанин из Интернета уже многим являлся, и свадьба удалась на славу, и, почти не делая перерыва, кричали горько, и струила свое дыхание любовь, и зелено-голубыми волнами плескалось бескорыстие в пшеничной широте русской души с горьким привкусом антоновских яблок. И толстый Англичанин, который, плохо сообра-

жая, пил водку из стакана, часто вскакивал и попугайски повторял «sorry», поднимая опорожненный стакан над собой, и некоторое время, как бы через подзорную трубу, смотрел на собравшихся в амальгамическом удивлении. И когда все происходящее не могло выйти из длинного ряда видений, а последовательность поступков уже теснилась к надвигающейся трагедии, и когда мать их Софья уже считала вилки и ложки, и когда в детских глазах толстого Англичанина светила плохо переводимая на бытовой русский язык безнадежно-нетрезвая просьба «Отпустите меня, леди и джентльмены», и когда сестры Вера, Надежда и Любовь сказали «А не погулять ли нам? Что-то мы засиделись», то Адолия сказала:

«Пойдем, осмотрим окрестности нашего города-сада, до-рогой», и, конечно, она все это хотела сказать на том далеком языке, откуда явился ей суженый.

– Горько! – висело прикидочной фатою над свадебным столом. В такие минуты у человека проявляется возможность понимать детонированные видения, а лучше о них ничего не знать, между прочим, злостными хакерами иногда оказываются мальчишки, которым лет четырнадцать-пятнадцать. Там, на Западе, откуда свалился к нам круглоголовый Англичанин, эти юные умельцы запросто могут умыкнуть номер кредитной карточки, только у нас, в Сажино, такое не проходит, поскольку у России особый путь, и мыслим мы не головой, а открытой всем ветрам душой, и если уж свадьба,

то гуляй, а воровство – это другое, и чтобы наши дети, и дети наших детей пели бы исключительно свои фольклористические гимны.

Ослепительность летнего дня уже томилась приближением вечера.

Пришел

Не пришел

Пришел

Не пришел

Пришел

Не пришел

И сегодня такой день. И жужжание пчел. И какая счастливая Адолия. И пусть не расстраивается.

– Пойдем, дорогой, – говорила Адолия, – необходимо осмотреть окрестности. Ты, наверное, это очень хочешь. Извини, – вдруг спохватилась, – может, тебе привычнее говорить со мной на «вы»? Только мне сподручнее по-русски на «ты». Не возражаешь?

– Что он клеем прилипший, – говорила мать их Софья, – сейчас я его подниму... – Она стала раскачивать ничего не понимавшего Англичанина. И он смотрел маленькими детскими глазками.

– Я по-своему скажу, – пояснила ситуацию Нина Федоровна Куравлева, – пока мужик весь до выпертого пупа водкой не зальется, он от стакана не отлипнет.

– Ты его вилкой подцепи, – посоветовал ни весть откуда

прикрутившийся к почетному столу мусорный мужичонка Шурик.

А молчавшая до сего момента медсестра Гермина Ярославовна в один глоток, по-медицински, опрокинула свой стакан с водкой в бездонную топку и, естественно, даже не дрогнув закуской, вдруг громко сфокусировала мысль:

– А не шпион ли он? Я из глубины души на него давно смотрю, думаю, плачу навзрыд внутри себя, как черемуха небосводно горюю, думаю... И что он – шпион, это нам бурьяном-травой и ясно и понятно, и мы в нужное время Х его, конечно, всенародно разоблачим и обезвредим, тут ничего хитрого нет, а только вдруг мое выражение лица еще и другое почуяло: позволь мил-хороший, а не цыган ли ты? Цыган в томление девушки войдет и хоть в копеечную дырочку проскочит. Отуманит девицу. А что, ему Интернет – заслонка? Пролезет, и будет у нас лошадей ловить.

– Откуда у нас лошади?

– Вот и я об этом варианте думала. Лошади все подошли, дак он со стола что упрет. Цыган и есть цыган. Не то что девушку, самого черта в карты обыграет и заставит под стол лезть и там плясать.

– Цыган в карты так может, что ты ему в руки глядишь, а он уж карту из задницы вынул. А как? Не поймешь.

– В глаза тебе глядит и колечко с пальца жучит, а ты и не почувешь.

– Наш-то цыган Англичанин медведя еще из Интернета

не приволок? Спросите Адолию. Уж больно она проста, красавица, невеста дорогая.

Мусорный мужичок Шурик выскочил из-за стола, зама- хал не в лад руками:

– Эй, цыган... пей, цыган... Чавела! – попробовал в при- сядку.

– Эх, подруга семиструнная... чори... чоп... эх, чори!

– А я вилки давно уж считаю. Не сходится, – вздохнула мать сестер Софья.

– Sorry, – все же он сумел подняться. Наклонил голову. Прислушивался, как внутри у него горел пожар, рушились балки, скрежетало железо. И беззащитный ужас остеклил глаза.

– Горько! Горько!

А он не падал. Раскачивался всем своим огромным телом, изумленная улыбка кривым углом ломала его рот:

– Sorry...

– Горько! Горько!

Кот, изогнув спину, забрался под стол, приник к ногам Англичанина, терся спиной и мордочкой. Прямостояние Англичанина подверглось новому испытанию, даже внутрен- ний пожар не заглушил коварных укусов маленьких существ, пролезших под брюки. Вся прежняя геометрия его жизни рухнула, в его воспаленном мозгу родилась страсть живой крови, ногтями раздирать ноги, не просто чесать, а ногтями, чтоб до мяса, до костей... чесать... и чесать...

Жаркий поцелуй

Го-о-о-ррк-о-о-о-о! Го-о-о-ррк-о-о-о-о! Го-о-о-о-о-о-о...

Нашинкованный поцелуями, истерзанный укусами, залитый вином до самых пяток, Англичанин окончательно потерял ориентацию. Маленькие его глазки уже перестали что-либо видеть. Он вытянул вперед руки. Адолия ухватила за его толстые пальцы.

– Ну, дорогой, ну, идем же, – тянула Англичанина сильно поджаренная вином невеста, их хабе, посмотреть окрестности, немножко шпацирен, ну идем для прогулочки, милый чубученька. Хочешь я тебя еще поцелую? Ты не падай, обхвати меня своими ручонками. Ножками шпацирен, еще ножками, умница, все по-русски понимаешь, еще шпацирен, еще ножками, еще шпацирен... еще...

Адолия провела ладонью по круглой голове Англичанина и укололась о его щетину.

– Ты мой ежик колючий, – засмеялась невеста. А искусственные цветы на ее высокой груди заколыхались.

И что истинно печально – у прекрасной нашей Адолии не было ни папы, ни мамы, по этой причине они не могли сидеть в такой торжественный день в саду матери Софьи. А ее дочери Вера, Надежда и Любовь уже встали из-за стола.

И когда в саду матери их Софьи ощутилось движение народа, и когда с яблонь уже посыпались дети, собравшиеся со всех концов Сажино, чтобы посмотреть на все это действие, и, что примечательно, никто не загонял их спать, Адолия все

тянула своего суженого, такого ужасно огромного, неповоротливого, с хорошо выбритыми толстыми щеками, и хотя вся инфраструктура свадьбы вполне позволяла, и он мог бы уже обрасти щетиной, или бородка могла у него вырасти, но ничего такого не случилось, а детей действительно никто не гнал, пускай уж наглядятся, пускай, и некоторые совсем маленькие ползали внизу, между ножками стульев, скамеек и ногами гостей, собравшихся в саду у матери их Софьи, а сама мать Софья, не забывая пересчитывать свадебные ложки и вилки, старалась, насколько могла, помочь Адолии тащить уж совсем метафизически осоловелого Англичанина, и Никаноров, который, соблюдая необходимую дистанцию, старался добыть из правого кармана пиджака несуществующую фотографию, где товарищ Калинин, всесоюзный староста, с бородкой клинышком и прочее и прочее, и когда Адолия, уже не в силах сдерживать рыдания, умоляла «ну, милый, джентльмгунчик ты мой, ну пойдем шпацирен, чтобы осмотреть окрестности», и, в конце-то концов, ей удалось его поволочить за собой, правда, не без помощи Веры, Надежды и Любви и матери их Софьи, хотя последняя, пересчитывая ложки и вилки, сбилась и в ужасе поняла, что не хватает двух вилок и одной ложки, и, следовательно, все надо начинать сначала, но очень сбивал Никаноров, который время от времени выдергивал из правого карман своего пиджака то щепки, то железки, а то кусок водопроводной трубы, и весь народ повалил из сада, и залаяли дворовые собаки, и ближе к вече-

ру в садах запели птицы, и побежали по дороге трясогузки.

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

Маг-профессионал

ИЛЬЯ ГЕРМАН

Абсолютный инвольтированный приворот

И полная сексуальная привязка

Раз и навсегда сделаю Вас единственным для близкого человека и избавлю от измен. Результат – за 1 день. Работаю только до 100 % решения Вашей проблемы. Гарантия.

Все от кухни до гвоздей

Есть в «Миллионе мелочей».

Иветта, Жанетта, Жоржетта, ах!... Мариетта !

Красавчик Том Круз – кумир женщин – вдруг почувствовал себя одиноким и брошенным. Но все-таки сумел найти правильный выход... он полюбил опять свою жену Николь.

И подарил ей дом в Испании. Молодец Том!

Swedish Care

Жорик, приходи трахаться. Дома только бабка. Мы ее закроем на ключ. Если сможешь, купи брикетик мороженого. Очень хочется!!! А еще сигареток. У меня в пачке три осталось. Спички дома есть. Твоя Кэт до позднего вечера.

Толпа двигалась по бывшей центральной улице Ленина, а теперь новая власть вернула ей прежнее название Преображенская, и иных изменений улица не претерпела. Толпа, направляемая некой невидимой силой, целесообразность которой не улавливалась, не несла в себе понятие смысла, и не делала анализа направляющего движения, а между тем, она выглядела, как огромная птица, крылья и спину которой покрывали множество разноцветных перьев, но клюв был огромен и черен. И то, что рядом суетилось Адолия со своими бумажными цветами на груди, не заслоняло величественного клюва, именно Англичанин чернел все больше, все стремительней, и по ходу движения птицы, в домах на улице Преображенской открывались окна, и люди высовывались из окон, чтобы крикнуть «Горько!»

Хотя некоторые повторяли еще упорнее, еще оппозиционнее:

Пришел

Не пришел

Пришел

Не пришел

Пришел

Не пришел

– Мне бы на вас ... У меня теленок заболел. Лежит. Не пьет.

– А вот наша знаменитая дыра, – поясняла Адолия, – не помню, говорила я вам, вернее, тебе, еще в Интернете, что у нас на площади, как бы это вам, вернее тебе, иностраннее объяснить, чтоб по-русски, и у нас есть свой деликатес, представляешь, мы в детстве говорили: «Хочешь дерябнуться? Закрой глаза. Прыгни в Америку!». Тогда мы думали, что запросто можно в Америку убежать. Так вот, пожалуйста, смотри, мой дорогой...

Птица подняла голову. И свет заходящего солнца делал особо важным ее кривой клюв. Все убедительней становилась и голова не виданной в нашем Сажино этой заморской птицы. Она несильно встряхнула крыльями. И все, держащиеся некрепко пьяными руками, попадали вниз. Со смехом и криками, не больно и ушибались. Освободившись от лишнего груза, птица громко щелкнула клювом, когда в это время на небо вдруг набежала небольшая тучка, сверкнула молния, орнаментально прокатился гром, приснул дождик, как бы предваряя будущие события в нашем городке, и в тот момент птица взмахнула своими огромными крыльями, между прочим, площадь позволяла, взмахнула, чуть-чуть не добежав до дыры, и успела клювом уцепить Адолию в ее платье с бумажными цветами, да при этом еще ухватила когтисты-

ми лапами трех сестер Веру, Надежду и Любовь и мать их Софью, и совершенно непонятно с какой целью коготком на левой ноге уцепила еще и бывшего подполковника Никанорова, и уже поднялась в воздух, не готовая к такому обращению жениха Адолия, и, увидев внизу, прямо под собой черную, не заживающую дыру, пронзительно закричала:

– Милый, у меня темно в глазах от этой дыры! Осторожней, ведь я твоя...

Крик Адолии соединился с воплем матери их Софьи, у которой из рук падали вилки и ложки, и, что печально – восемь ложек и тринадцать вилок были серебряные, а из левого кармана Вити-подполковника сыпались в дыру щепочки, железки, как бы размноженные фотографии всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина, и все это вместе с мелким дождичком, и когда птица, оглушенная криком, раскрыла клюв, то бедная Адолия, невинная жертва Интернета, начала падать, закрыв глаза, в дыру, а вот Вера, Надежда и Любовь и мать их Софья, оказались только на самом краю, вместе с Никаноровым, который даже не заметил полета, поскольку в его жизни было столько грубых превратностей, что одной меньше, одной больше – это лишь повороты судьбы, а вот когда Михаил Иванович, или, как вы полагаете, и это сон, ну знаете ли... Может, кто сейчас плеснет в стакан... А к шести утра к поезду кто должен успеть, мертвый или живой? (Кстати, в отношении поезда и вообще, железной дороги. Ее проект был готов еще в конце XIX века. Потом есте-

ственно пересматривался, дорабатывался, переключивался, пока вдруг в один прекрасный день не нашел свое окончательное решение в качестве грандиозного масштабного переосмысления не только в пределах Сажино, но, как теперь принято выражаться, на молекулярном уровне, и с движением времен, когда вокруг Сажино раскинулись поселения за колючей проволокой с бараками, сторожевыми будками и военизированной охраной, что естественно повлекло к объявлению города и прилегающей местности закрытой зоной, и старожилы до сих пор называют не Сажино, а Креозот №5, так спокойнее, намекая, что не все еще потеряно, – именно в ту, мифо-эпическую эпоху, в те идеологические времена развернулась персонализация строительства, закипела девятым валом работа, рассчитанная по минутам, гомеоморфия которой объединяла победный гул миллионнопудового колокола, способного разбудить монументальную тишину лесов и полей своим яростным гимном, а также протянуть железнодорожные рельсы к океану, и дальше, дальше в бескрайность мечты, и путем железного кулака достучаться, как говорят, французы – *au bout du compte*, то есть в конце-то концов, в пока еще закрытую для нас дверь Австралии... Помешал неожиданно упавший на землю туман. Вообще погода резко изменилась, и вот уж могилы энтузиастов из зоны заросли бурьяном, онемели заржавевшие рельсы, под влиянием дождей обрушились и бараки и сторожевые вышки, жители Сажино нашли способ приспособить для своих огородных

нужд колючую проволоку, молодежь успела забыть Креозот № 5, а подполковник Витя Никоноров, с ветроупорным пенсионным стажем, как всегда, спешил за газетами, к шестичасовому утреннему поезду...

И тут в самый раз завязалась песня, а вечер подготовил ей свой плацдарм, когда зазвучало мощное меццо-сопрано Ирины Павловны «Не покидай меня, голубчик. С тобою не увидим мы страны другой, страны другой...».

Все выше поднималась кривоногая черноклювая заморская птица. А с неба вместе с дождиком все еще сыпались ржавые железные гвозди, болты, крышки от консервных банок, и это было связано с именем товарища Калинина. Дождик еще плакировал землю, исчезнувшую в дыре бедную Адолию, а рядом с дырой все еще сидели Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья, и также спал безмятежным сном Никаноров, а в прежние времена сажинские мальчишки приспособили дыру, чтобы смотреть на другую сторону земли, и, как они полагали, если особо густо закоптить стеклышки, то можно увидеть Америку, и уже широкими и властными ногами двигался Васька – кривая труба, наш знаменитый сантехник, которого всегда выбирали во власть пока еще местного характера, но всем было понятно, что он консеквентно двигается дальше, и он на ходу бросал жестко «Нельзя одинаково улыбаться гражданам иностранного происхождения. Надо прекращать коксовать демократию. Доигрались!», и тут же предложил закрыть дыру досками, чтобы

не было никаких связей с потусторонней Америкой.

– Погодите! – возвысил голос Олег Иванович Сычугин, компьютерный мастер. – Почему досками? Почему только доски? Вы меня извините, Василий Никанорович, но закрыть дыру только досками, это не решение проблемы. Я, конечно, не архитектор и в сантехнике не сильно разбираюсь, хотя и на вас жалобы, что вы не Эйнштейн.

– А я и не хочу быть Эйнштейном, – резко возразил Васька-кривая труба. – У меня нет денег в Швейцарском банке, и налоги я плачу.

– А с чаевых тоже платите?

Но Васька-кривая труба резко повернулся, не отвечая на выпад, и пошел вдаль.

– Про Эйнштейна, вернее, про Эйнштейна я, конечно, зря дал ему прямо в руки такую козырную карту, да еще добавил про налоги, будто он чаевые берет и кладет себе в карман без всякого зазрения совести... А истинно хочется сказать по-современному, хоть Васька злопамятный черт.

Эх, бывать ли грозе грядущей, да, вижу я, как небо потемнело, и молния кривой трубой уже свернулась в жестких тучах, и воздух опустел вокруг меня, пускай, не славы добиваюсь, а лишь любовью дышит голос мой, пускай они меня подслушивают по телефону, по Интернету – пускай, а я свою идею брошу им, которым, и голос мой пускай взовьется хмелем торжества:

тут, на этом самом месте, построить надо, нет, воздвиг-

нуть памятник – предупреждение людям планеты нашей, летящей в мировом пространстве, в честь юной горестной невесты, и прорвавшейся сквозь сумрак будней зарей прощальной написать слова предупреждения:

ОПАСАЙТЕСЬ ЛЕГКОМЫСЛЕННОГО ОБРАЩЕНИЯ

С ИНТЕРНЕТОМ

А там, в туманной высоте,

ДА НЕ ИССЯКНЕТ ВЕЧНАЯ ЖАЖДА ЛЮБВИ!

Олег Иванович Сычугин устало склонил свою голову на грудь. На его голове еще было много волос, и по самой середине неспешно катил серебристые воды ручей, его истоки брали свое начало из мифо-эпической эпохи. Прошлое – вот оно! Только мы вместе с Олегом Ивановичем смотрим в будущее.

Энергетика его мыслей была столь мощной, что мы, собравшиеся у дыры, сразу же воплотили их в жизнь. Только мы добавили памятнику функциональный момент, поставив тут Народный Дом.

Здесь могли собираться коллективы самодеятельности, и в нужное время свил бы свое гнездо штаб по выборам в мест-

ное самоуправление.

Побежденные густой кровью энергетической мощи Сычугина, мы увидели, вернее, познали чудо рождения Народного Дома. (А вдалеке как бы еще слышался голос Олега Ивановича: «Любовью голос дышит мой, любовью...»)

Мы все были свидетелями, как на семнадцатом этаже Народного Дома мужской и женский хор добровольного союза рабочих и служащих исполнял песню-плач, и руководил хором местный композитор Араб-оглы, и к небесам, на наших глазах, поднимался грустный музыкальный цветок, и когда женская группа хора пела «Миленький ты мой, возьми меня с собой, там, в стране далекой, назовешь меня женой», то мужская группа отвечала: «Милая моя, не возьму тебя... sorry... sorry... не возьму тебя...».

И Англичанин, который уже почти совсем превратился в точку, спустился и, широко раскинув крылья и стараясь слышать слова и понять, что же с ним произошло, некоторое время молча парил, а потом каптировался в посветлевшее утреннее небо.

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

Как прекрасно ночное небо, когда беззвучно горят звезды, планеты. Ты невольно мечтаешь о вечности. А есть ли на других планетах иная жизнь – вот что тебя волнует!

Как говорят астрологи, тамошние обитатели каждый

день принимают души возделений. И ты с горестью вздыхаешь, думая о своих соседях: они купаются в шампанском. Потолки в их ваннах комнатных зеркальные. Убого. Поистине, с тоскою в сердце ты смотришь телесериалы об их ночных оргиях... Что ж тебе-то делать? Есть ли средство, способное избавить тебя от вечерних или ночных кошмаров? Оказывается, есть! Лякуй, землянин! Это HORVATIN... всего одна таблетка – и ты испытываешь утробное чувство счастья. Даже зависть к соседям, живущим за высоким забором, в многоэтажных особняках, не ужалит тебя коварной змеею. Ты ощутишь себя заново родившимся

ПЕРВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ НА ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ.

У тебя есть чувство Парижа? Тогда не медли – езжай в Париж. Выиграй поездку в Париж. Несколько восхитительных дней в Париже, которые, мы обещаем, Вы не забудете никогда! Для этого пришлите три крышки от пачек сигарет Vogue и полностью заполненный специальный купон!

И помните: чем больше купонов и крышек от пачек сигарет Вы пришлете, тем больше Ваш шанс выиграть!

МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ:

КУРЕНИЕ ОПАСНО ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ

– Зоя! Откликнись. Я люблю тебя! (Одинокий человеческий крик к небесам).

С первыми лучами солнца, возвестившими в Сажино о начале утра, скорбный памятник – предупреждение замигал, словно в компьютерной программе некорректно выполнен-

ной, начинка его то хмурилась, то растягивалась в нахальную ухмылку, да весь многоэтажный памятник не стоял на месте, даже принимал непристойные позы, а солнце все выше поднималось, а в садах все громче пели «ци-уит-уит» горихвостки, «чок-чок-чок», «чр-чр-чр» славки, зазенькали овсянки, и, наконец, ударили трелью жаворонки, и вскочил с земли Никоноров, ошалело посмотрел на солнце и побежал к шестичасовому утреннему поезду, и, прежде чем стала понятна при ярком свете дня несуразность всего этого сооружения, солнечный ветер легко его подхватил и понес прочь с площади, освобождая нашу родную дыру, из которой совсем не заспанная, но в помятом платье, уже выбиралась Адолия, держа в руках серебряные вилки и ложки, к большой радости сестер Веры, Надежды, Любви и особой радости матери их Софьи, которая еще в руках Адолии пересчитала спасенное серебро и тут же сказала:

– Скорее в сад к свадебным столам.

Уведем на некоторое время яркий свет мощных софитов, убивающих тайну дыры, где не совсем по своей воле оказалась Адолия, а точнее, если так можно выразиться, уведем темя нашей жизни – солнце, которое уже щедро подогрело новый день, и обратимся к событиям, произошедшим именно в это утро (по понятным причинам, мы не можем назвать то место, где это вершилось), а именно, в это утро полковник госбезопасности Дон Хуан де Сантис (имя вымышленное) готовил для своей супруги, независимого детекти-

ва, следователя-любителя по особо важным делам, красавицы Лолиты (имя вымышленное), кстати, Лолита имела два высших образования, окончив с отличием Инженерно-строительный институт и юридический факультет Университета, и ее полные губы змеились в улыбке, когда она позволяла себе стрелять с двух рук даже из старинных дуэльных пистолетов, излишне упоминать о ее лингвистических способностях (щелкала иностранные языки, как белка орешки), и она тайно (потому что для души, нельзя это выносить на показ, так она считала) любила классическую музыку, Шопена и особенно «Симфонические этюды» Шумана, которые она успешно играла с педагогом дома, где во всей полноте проявился ее темперамент, ее увлекала сложная ритмика в произведении Шумана, она восхищалась и духовной музыкой английского гения Генри Перселла, и единственным диссоциирующим звуком в симфоническом образе Лолиты была ее сильная близорукость. Этот незначительный недостаток заставлял ее носить черные очки (минус восемь с половиной диоптрий). К сожалению, в темных очках она сразу становилась похожей на штатного сотрудника органов или, в лучшем случае, на резидента одной из иностранных разведок. Не выручали в этом смысле и светлые очки в золотой оправе. Музыка бездны, всегда звучавшая в ее небольших ушах, прикрытых мальчишеской прической ее светло-каштановых волос, заставляла Лолиту выезжать на дело с маленькой коричневой сумочкой, где она хранила сигареты, средства мо-

бильно-интернетовской связи и пистолет-зажигалку. Лолита (увы всем нам, и, в первую очередь, ее супругу-полковнику) много курила. Не раз и не два полковник просто пальцем показывал на тревожную надпись на пачке сигарет:

МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ:

КУРЕНИЕ ОПАСНО ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ

Неожиданно зазвонил мобильник в левом кармане пиджака де Сантиса. Поверх пиджака у полковника был повязан голубой передник.

В правом нижнем углу передника были вышиты три алых розы – на счастье. Розы вышивал сам Дон Хуан де Сантис.

– Да я слушаю. Выстрелом в затылок? Когда? Милая, это тебя. Возьми, а то у меня руки в масле. Безобразие. Почему они звонят по моему мобильнику и еще открытым текстом.

– Не сердись, дорогой. В моем сели батареи. И потом они знают, с кем имеют дело. Ты же у меня молчун, – и взяла мобильник в свои руки. – Да. Я уже знаю, что убили. Рядовое заказное убийство. Короче, сколько трупов, где, когда? Не спрашиваю: кто? У вас, конечно, никаких улик.

Мужской голос (взволнованно):

– Это уж третье за две последние недели.

– Я не хуже вас знаю, что третье. Чего вы так уж волнуетесь? Еще после второго мой внутренний голос говорил: будет и третье, и четвертое, и пятое... Что? Что вы не понимаете?! Пора кончать с этим беспределом. Вы теперь меня поняли, черт возьми?! Я рада за вас, – и отдала мобильник

мужу.

– Они тебя достали, Ло. Просто достали, моя бедная девочка. Ты слишком много куришь, и я тебя плохо кормлю. Нет, без еды я тебя не отпущу. Если им нравится убивать, то это не значит, что ты не должна хорошо питаться. В твой мозг должны регулярно поступать энергоресурсы. Я прекрасно знаю, что ты не ешь мяса, но овощи и фрукты просто жизненно необходимы твоему организму. Сегодня я угощу тебя тушеными кабачками. Пока ты отдыхала, я с утра съездил на Киевский рынок, там можно дешево все купить. А рядом Дорогомиловский, где элементарно приобретаешь с еще большей экономией. Дело не в жадности, а в мотивированности и разумной значимости каждой покупки, будь то даже молодая картошка или, как сегодня, пока ты еще спала, мне удалось купить восхитительный кабачок, причем по самой низкой цене.

– Ах, мне это все равно! – вскричала даже с некоторой досадой Лолита.

И в этот момент на ее рабочем столе зазвонили три телефона.

– Милая, ни в коем случае не подходи, – возвысил голос полковник. – Я тебя никуда не пущу из кухни. Тут я ощущаю особую близость с тобой, моя крошка.

Так видел свою Ло (рост метр восемьдесят пять) Дон Хуан де Сантис, и его латино-американская кровь яростно бурлила, достигая неэквивалентного кипения, принимая харак-

тер трансцендентального идеализма кантианского свойства именно в моменты готовки еды.

Что касается его жены, то именно этот процесс не вызывал у нее особой страсти. Она фригидно наблюдала, удобно расположившись в розовом бархатном кресле красного дерева. На подлокотниках золоченые головы львов с раскрытыми пастьями. Лолита сидела в свободной позе с полузакрытыми глазами (без очков), закинув ногу за ногу. Обтягивающие бедра и ее длинные ноги ядовито-зеленые брюки с буро-темными пятнами, весьма похожими на расплывшуюся кровь. Никакой юбки! Курила сигарету за сигаретой. Внизу у ее ног стояла гигантская пепельница, сделанная из панциря африканской черепахи. Несколько окурков дымились там, на дне. Но Лолита предпочитала совать окурки в пасти львов, чтоб не опускать руку.

Все восемь комнат супругов были телефонизированы, и, конечно, бассейн, и туалетные комнаты, что уж говорить о просторных спальнях – отовсюду, со стен, с потолка, с пола раздавались световые и звуковые сигналы.

Полковник и его жена не обращали внимания.

– Видишь, Ло, я беру этот кабачок, приобретенный на Киевском рынке. Смотри, какой красавец. Сейчас мы снимем с него шкурку. Зерна выкидываешь. Не отвлекайся на звонки, следи. Бог с ними, с трупами... В автомобильных авариях каждый год гибнут десятки тысяч случайных граждан, если брать в мировых масштабах. Так что, не садиться за баран-

ку? Теперь самое важное – режешь, около сантиметра толщина. Ложишь, как говорят опытные хозяйки, в глубокую сковородку, в данном случае, в керамическое блюдо... Следи...

– Они действуют мне на нервы, – Лолита решительно встала из кресла, волевым движением сунула недокуренную сигарету в пасть льва и большими шагами направилась в свой кабинет.

КОРОТКАЯ РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

Элис Купер,

Король кошмаров в своем интервью говорит:

Я, бывший алкоголик, могу сказать, что алкоголь действительно пробуждает определенные творческие способности. Более того, все свои лучшие песни я написал в то время, когда беспробудно пил.

СМИРНОВЪ

НАСТОЯЩАЯ СМИРНОВСКАЯ ВОДКА (1860 г.)

ПОПРОБУЙ – НЕ ОШИБЕШЬСЯ

И мы стали жить в условиях свадьбы, и снова рядом сидели сестры Вера, Надежда и Любовь, и мать их Софья обращалась к седому Василь Васильевичу, который никаким боком не был родственником сантехника Васьки-кривой трубы.

– Что ж вы, молодой человек, дорогой наш тамада, не угощаете гостей? – крикнула с другого края стола Нина Федоровна Куравлева.

И тот, тряхнув сивой гривой, весьма кстати всех мобилизовал: – Водка не допита, а день только разгорается, наливайте, понимаете ли, гости дорогие, сперва невесте, а потом, понимаете ли, и жениху, да себя не забывайте, пейте-гуляйте и закусывайте, эх-ма, были и мы молодые, да свадебные.

– Васенька, дорогой ты наш Василь Васильевич, правильно советуешь.

И дети из соседних домов опять обсыпали деревья в саду матери Софьи, а те, меньшие которые, ползали под столами, и свадьба поворачивалась нужным концом, когда Шурик, мусорный мужичонка, возразительно пронервировал:

– Пить мы каждый можем, а вот где жених?

Тамада Василь Васильевич тут же, не залезая к себе в карман, врезал ему между глаз:

– Мирра Евсеевна, как по вашему еврейскому обычаю, бывает ли, понимаете ли, свадьба без жениха, хоть даже, допустим, не юной свежести?

– Ой, да на чего вы намекаете, мне даже не можно это захаять.

– Выходит по вашему, иудейскому вероучению...

– Ой, Боже ты мой! Боже мой, какие у вас, уважаемый Василь Васильевич, хохмочки. Да у меня даже шея вспотела, если вы уж хотите любопытствовать про евреев, а, по-вашему, про жидов.

– Почему же вы, уважаемая Мирра Евсеевна, нас-то, понимаете ли, глупите, а? Через века, так сказать, из варяг в греки, народ российский верил и, по высшим правилам, будет верить, хоть до желтого песка вразумлялся по обычаю исконному, где невеста, там, понимаете ли, и жениху сидеть, и пусть некоторые об нас так не полагают, хоть и в международном смысле, и пусть некоторые интернетовские молодые, да ранние в Японии, или, допустим, в Сингапуре, или, – и он поднял кулак, – в США, понимаете ли, из нашей дыры...

И не успел завершить свою мысль Василь Васильевич, как из-за облачной выси, в свете разгоревшегося дня, уже летел к своему законному месту, разрывая на куски жаркий воздух, наш дорогой, летучий жених Англичанин, да какой же он старик, если на голове у него мало седых перышек, а что толстый, так чудо от этого значительно природнее, и спасшийся при исчезновении многоэтажного памятника – предупреждения мужской и женский хор добровольного Союза рабочих и служащих, под руководством композитора Араб-оглы, грянул песню-плач: «Миленький ты мой, возьми меня с собой, там, в стране далекой, назовешь меня родной...», и, перекрывая хор, уверенно ответил голос Ирины Петровны, нашего знаменитого меццо-сопрано: «Не покидай меня, голубчик, с тобою не увидим мы страны другой, страны другой... Но я не верю... Нет! Я не верю, не верю я звезде иной, звезде иной...», составляя опять единый метаигровой универсум, и еще не успел остыть призывный свадебный плач, как Англичанин, толстым животом подпирая стол, одним крылом уже нежно обнимал Адолию, а другим спешил пододвинуть стакан с водкой, и тамада Василь Васильевич, увидев, что свадьба принимает нужное направление, сказал с добродушным намеком:

– Ну, чего теперь скажете, уважаемая Мирра Евсеевна? Наш орел, понимаете ли, опять, где ему и положено, – потом возвысил голос и гаркнул: – Горько!

– Горько! – единым духом подхватила свадьба.

– Целуйтесь! – поощрительно кричали сестры Вера, Надежда и Любовь и мать их Софья. Она еще и добавила:

– Теперь-то уж нечего крылом закрываться, целуйся, парень, и пей до дна.

– Пей до дна! Пей до дна! – одобрительно, со смехом сла- гали мы единую мысль. И мы все радовались счастьем Адо- лии, которая сильно раскраснелась и старалась ловчее поце- ловать своего Англичанина, чтоб его клюв не очень глубоко залезал ей в рот, а только чтоб губками, своими девственны- ми губками. Стоп. Знак. Проезда нет! (А кто знает? Кто ви- дел ночью? Не спускался ли в дыру вслед за Адолией наш иностранный орел? Так ли он уж стар? Много вопросов, да мало мы еще знаем о разрешительных возможностях Интер- нета. А ведь мы стоим только на пороге XXI века. Какие со- крушительные открытия нас еще ожидают, особенно ежели дать себе труд прийти в изумление от содержания оных). Нос у птицы был высоко поднят. Глаза сияли. И причина тому не водка. Искать надо праздничней. Жизнь она не пена для бритья, не краска для скамейки...

И никто не замечал, как подступает новый вечер, и оку- танная любовной страстью, Адолия зашептала:

– Милый, а не пойти ли нам немножко шпацирен и по- смотреть на нашу дыру?

– Sorry, – повторял жених, опрокидывая в себя новый ста- кан водки.

– Я полечу туда на крыльях страсти, – повысила голос

Адолия. – А ты опять брось меня в нашу дыру. Я этого так хочу. Изумительно желаю.

– Ну, брось, ну, брось, жалеть не стану... – запел тоненьким голоском мусорный мужичонка Шурик.

– Интересное, понимаете ли, предложение поступило от невесты, – оживился тамада Василь Васильевич и, повернувшись в определенном направлении, спросил. – А вы как считаете, Мирра Евсеевна?

– Я?

– Да, именно вы, уважаемая Мирра Евсеевна.

– Я старая женщина и в смысле свадьбы не могу компетентно судить, тем более как свадьба у нас международная.

– Именно что международная. И необходимо осмотреть окрестности Сажино и нашу, понимаете ли, знаменитую дыру.

И тут странным образом во дворе Куравлевых запел петух.

Наступила осень. Дни стали короче.

– Да что еще? – несколько раздраженно спросила Лолита. И вдруг ее голос дрогнул. – Что вы сказали?! Повторите... Когда это случилось? Два часа назад? Чего ж вы медлили?! Почему я только сейчас это узнаю? Мне совершенно не интересно, занимаются ли спецслужбы... Что-то в трубке гудит. Нас подслушивают? Скажите, что я их посылаю, знаете, куда... А, догадываетесь... и правительство Москвы туда же... Что это за правительство, которое у себя под носом

допускает... Лучше я себе сошью рубаху из холста и уйду в монастырь. Пальцем не пошевельну, а вы убивайте, режьте, зверствуйте.. А я буду молиться за грехи в келье без окон. Не достучитесь до меня... Боже мой, убили Гришу! Радуйтесь, зарезали овцу... Я немедленно выезжаю. До моего прихода ничего не трогать, не прикасаться! – И она бросила трубку. Широким шагом пошла на кухню, где полковник Дон Хуан де Сантис уже поставил кабачки в микроволновую печку.

Обессиленная, она молча упала в кресло и сразу же закурила.

ОЧЕНЬ КОРОТКАЯ РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

KENT

PREMIUM LIGHTS

легкий вкус

Charcoal Filter

МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

**КУРЕНИЕ ОПАСНО ДЛЯ
ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ**

– Что случилось? – спросил полковник.

На деревьях в саду соответственно с календарем покрас-

нели яблоки, пожелтели листья. Яблоки падали в траву. Никто не пробовал их собирать.

И мы, все, кто сидел за свадебным столом, чувствовали запах приближающейся зимы, как собаки или медведи чувствовали, и все эти наши чувства, закономерные и тревожные, вынес в своем заикании Гриша Балкин:

– На... на..аааа... только... о..оо..ооо... еее... неее... двааааа... дцать... пя..яя..яя..ть....

– Верно Гриша обрисовывает, – подтвердила Нина Федоровна. – Ну, что скажешь, тамада? И надо спасти Англичанина.

И все мы, как потревоженный улей, зашумели:

– Спасать Англичанина! Эта заморская птица к нашим морозам никак не транспортируется.

И хотя это ясно-понятно, вот мы сидим, засыпанные сухой листвой, и дождем нас сечет, и ветром, так мы же ко всему притерпевшие, что исторически подтверждено из века в век, и чем поправишь нашу беспутницу, которая держится душевной особицей, крайне темной и не по этой ли причине загадочной. Разве тут кто чего скорректирует? Просто непостыдно иногда бывает крикнуть «Караул!» или шмальнуть без прицела сразу из двух стволов, а наш жених, отозванный из Интернета, все сует и сует в стакан кривой свой нос и, что интересно, совсем не припадает к закуске, а только тянет водку и, что опять же интересно, не худеет, как надо полагать, не зря наши мужики жрут водку, в связи с чем

рассчитывают добыть из нее нужные организму витамины, и наш тамада Василь Васильевич засыпал, но не по-зимнему, а, встряхнувшись, кричал:

– Горько!

И мы все, которые слышали свист уходящего лета, даже уже и осени, кричали, пусть не очень дружно, закрытые сухим листом:

– Горько!

Ветер шевелил листья на свадебном столе, и когда уж мы перестали замечать, налетал ветер, и с потемневшего неба лило прилично, и уж мы, по всем законам удавшейся свадьбы, не проносили стаканы с водкой мимо рта, и Адолия, наша прекрасная невеста, старалась целовать в клюв своего орла, приговаривая: «Пей, милый, да прикрой меня крылом от дождика». От каждой новой порции водки Англичанин встряхивал головой, смотрел на Адолию остекленевшим от холода глазом и снова и снова тянулся, привычно тянулся носом к стакану с водкой.

Хозяйка сада, мать сестер Софья, оглянулась на дочерей Веру, Надежду и Любовь, а сестры сидели неподвижно в полной натуральности, и мать их Софья, вынув из стакана с водкой кленовый лист, стала размахивать им как платочком, запела свадебный плач: «И, ох, золотая ты наша невестушка. И, ох, горькая ты сиротинушка, И, ох, зачем мы тебя отдаем в чужу неведомую сторонушку. И, ох, зачем ты да приукинулась на богатое богатство...»

И она разбудила Семена, о котором я еще ничего не рассказывал, и он дико и хрипло заорал: «Липа, липа, жиропот, ах, жизнь моя жокнутая, осмолила, жизнь моя звукосочная, кудреватая, еще мы ребята не списанные, а вы, девчата, думайте-гадайте, да Гаврилова Семена сладким поцелуем вспоминайте, а я уж вас ...»

– Опомнись, Семен, не на ту колею выскочил, не твой праздник, и свадьба у нас международная, – подправил Семена Гаврилова тамада Василь Васильевич, и, как необходимое опровержение Гаврилова, проснулся композитор Араб-оглы, и опять вовремя подключился его хор: «Миленький ты мой, возьми меня с собой, там, в стране далекой, назовешь меня сестрой». А мужские голоса с упорством отвергали и этот вариант. А сама невеста, прикрытая крылом Англичанина, просила-умоляла: «Милый, пойдем шпацирен окрестности, поглядим, как там наша дыра посреди площади». И, извиняясь голосом: «Ноги немножко шпацирен просятся», а между тем дождь лепил градом и снегом.

Потихоньку, потихоньку освежило весь свадебный стол зимним снегом, а в тот год зима стала круто заворачивать, да если кому пришло в голову поглядеть на градусник, зрительный пейзаж падал все ниже и ниже, на двадцати градусах не задержался, а уж к тридцати подступал, да еще ветер обжигал, не давал утешения, и тамада Василь Васильевич, вот уж истинно свойский мужик, сажинский, старался перешутить закрутившуюся бурю, разгребая перед собой красными

пальцами снежную гору, крикнул:

– Мирра Евсеевна! Мирра Евсеевна, не жарко ли вам в белой шубке? Разве мы сидим, чтобы, понимаете ли, шубкой вашей любоваться? У нас ждет-дожидается княгиня порученная. А с ней рядом князь заморский, интернетовский. И он крикнул прямо в морду урагану:

– Горько!

И мы все поразгребались, высвобождая стаканы с водкой. И с радостью подхватили:

– Горько! Горько!

А наша Адолия, еще больше разумянившаяся от мороза, пронесла по вдохновению сквозь ветреную стужу свой горячий поцелуй прямо к заморскому клюву.

– Пей до дна! – кричали мы, себя не забывая. А некоторые еще добавляли:

– Руки зябнуть, ноги зябнуть, не пора ли нам дерябнуть.

Свадьба обретала целостность и полноту без особого спотыкания на мороз, а в верхнем своде неба желтком проглядывало солнце, где было вечное жительство света, тепла и нашей надежды.

– Горько-о-о! – еще раскатистой провозгласил тамада.

Может, с этой минуты переломилась погода. Ветер разогнал облака, выплеснулся солнечный луч.

Во дворе Куравлевых запел петух.

– Что случилось, Ло? – опять переспросил полковник Дон Хуан де Сантис. – Что-то серьезное?

Лолита молча курила сигарету за сигаретой. И окутанная дымом, нервным движением кисти правой руки с большой силой запихивала даже недокуренные сигареты в золотую пасть львов на подлокотники кресла. Не требовалось опытного любящего взгляда военного, чтобы определить опасность, – быстро и хмуро двигалась сплошная стена с белыми нахлестами наверху этого девятого вала, вздыбившийся океан горбатился, разнося все на своем пути. Купающиеся, скорее бегите к берегу! А на берегу уже ставились знаки штормовой погоды...

Полковник быстро сориентировался. Оценил обстановку. Принял единственно правильное решение: пробить стену головой, а уж там дальше можно качаться на волнах:

– Ло, дорогая, ты же не съела ни единого ломтика кабачка.

– Что?! – от неожиданности она задержала руку с сигаретой.

Слова его уже не умирали, ободренные, в брызгах победы, развивали успех:

– Как ты можешь наблюдать, на дно глиняного блюда я разложил кабачки, один ряд за другим... Да, я чуть не забыл, необходимо в том же блюде – морковь, которую я естественно, предварительно натер, помидоры, шкурку, естественно, снимаешь... соль по вкусу... Разумеется, все требует навыка... Где-то десять, двенадцать минут... и...

Тут необходимо заметить важное обстоятельство из жизни Лолиты: она никогда ничего себе не готовила. С детства

ее опекали две бабушки и няня. Если уж говорить с русской прямотой, она к электроплите не хотела подходить.

Отсутствием аппетита не страдала. Хотя считала, что настоящий детектив пьет только кофе, хорошо смолотый (правда, не умела обращаться с кофемолкой, это ведь не пистолет). Полковник взял Лолиту замуж из рук бабушек и няни, так сказать, бережно сохраняя семейные традиции, и грубые житейские заботы ее не коснулись.

– Так что же случилось? – опять решился спросить полковник.

С жадностью подставив свой рот водопаду золотистых кабачков, она, наконец, произнесла:

– Они убили Гришу. Подняли руку не на какого-нибудь политика или бизнесмена. Это еще я могла бы им, в какой-то мере, если не простить, то хотя бы понять. Они совершили больше, чем убийство.

– Он был связан с мафией?

– В том то и весь казус. Представляешь, нет! Просто мало известный, бедный, как церковная мышь, актер детского театра. Этим зверским, бессмысленным убийством они посягнули на культуру. Вернулись тяжелые времена наступления на творческую интеллигенцию. Нет, Гришу я им не отдам! – и запихнула в рот последний кабачок.

– Но ты, кажется, сказала, что он убит, – осторожно заметил полковник.

– Какая разница! – воскликнула Лолита. Решительно под-

нялась с кресла. – Живого или мертвого, но Гришу, – она обращалась уже к небесам, закрытым от взгляда трехэтажностью коттеджа, – интеллигенцию не отдам. Горой поднимусь. Найду не только киллеров, но и заказчиков. Ты меня слышишь?

– Да, – откликнулся полковник. Ох, как в эти минуты звучания грозных золотых труб полковник любил и восхищался своей Ло.

– К машине! – крикнула Лолита.

«О-о...» – поспешал, за ней полковник, перебирая в памяти героические образы: Жанна д'Арк, Минин и Пожарский, Козедин де Манолес, Виватинес Фомес, Викки Баум, Джеки Коллинз, Кэтрин Коул, Луиза де Вальморен, Линда Рут Уильямс, Робер Шарон, Мэри Куант, Джон Лозински, Дэн Ом, Брайан Фобс, Тернес Ханилов, Паола Федченко, Эммануэль Сенье, Франсуаза Арди, Хуан Гарлендес, Софи Кружкоф, Эльмира Сетти, наконец, Барбара Картленд и проч., проч.

– Слава тебе, Господи, – сказала Нина Федоровна, – перезимовали.

И с каждым днем солнце все больше уплотняло снег.

Нет, зима не сломила нашей свадьбы, а первые зеленые листочки весны осветили нашу кровь новой радостью, и Мирра Евсеевна закричала:

– Поглядите на нашу Адолию, каким цветочком расцвела, да какие ручки полненькие, да какие щечки, да сама как игрушечка – дамочка, а глазки, извините, я бы скушала эти

глазки...

– Есть кому любоваться, понимаете ли, уважаемая Мирра Евсеевна, – оборвал ее щебетание Василь Васильевич.

– Смотрите! – заволновалась Нина Федоровна.

На белом платье нашей невесты дали новые побеги розы. И что поразительно! Не только бумажные цветы проснулись, а уже рядом пробились и голубые подснежники, и желтые одуванчики...

– Чудо! – не очень смело крикнул мусорный мужичонка Шурик.

– Чудо! – подхватили мы все. А весна все смелее, обходя далеко стороной политические нистатины и антистатины, и, как у нас, то есть в Сажино, говорят, без телевизионного мудохвостия, таранила воздух, даже не глядя ни в какие интернетовские сайты, никелировала его до нужного просмотрового блеска.

И это было хорошо.

И все мы освобождено вздохнули, распахнутыми ноздрями втягивая освежающий, но пока еще морозный, кружевной весенний первокрик.

– И-и-и, – вдруг заплакала Мирра Евсеевна, – я гляжу на Адолию и вспомнила свою жизнь, побитую молью.

И чтоб скорее убрать грусть, композитор Араб-оглы кивнул хору, а хористы тут же подхватили:

Хмель, мой хмель, веселая голова,

Веселая голова, широкая борода,

Закрутись, мой хмель, вокруг точиночки,
Вкруг точиночки, что не гнется, а поет,
Что не гнется, а поет...

Затем хор по указанию композитора Араб-оглы вернулся к теме зарубежной поездки: «Миленький ты мой, возьми меня с собой, там, в стране далекой, назовешь меня чужой...»

Жаль, что время уж готовило беду, да случилось все не морозной зимой, а этой весной. Как и положено, Адолия прошептала: «Надо, мой милый птиц черноносый, немножко шпацирен, гулять окрестности, и солнце зовет посмотреть, все ли там в порядке с нашей дырой...» И народ наш мудро свидетельствует: «Как в воду глядела». В ту же минуту злоумышленная черная тень чужой птицы ударила по нашему свадебному столу с такой силой, что кто-то из хористов грубо пролил стакан с водкой, не донес до рта. Такого в Сажино еще не бывало. И Адолия увидела черную птицу, которая спускалась все ниже, и Англичанин, увидев птицу, с большой торопливостью допил водку, прогортанил свое «Soggy» и поднялся с солнечным ветром навстречу черной птице, и подполковник Никоноров, что больше молчал в зимний период, теперь сказал: «А не жена ли это его прилетела?»

«У...у...уу...у...него...тта...тм де...еети остались», – уверенно, как всегда спотыкаясь и путаясь в словах, сказал Гриша Балкин, и мы все стали наблюдать за птицами, и вдруг наш Англичанин махнул крылом Адолии и полетел в сторону площади, и мы выскочили из-за стола и побежали туда,

к площади, и успели увидеть, как наш Англичанин взмыл вверх к бескрайнему свету неба и вдруг, прижав к себе крылья, солдатиком ринулся вниз, все ближе, все ближе, и упал в дыру.

– Господи, упокой его душу, – вздохнула Нина Федоровна, а сестры Вера, Надежда и Любовь и мать их Софья подхватили Адолию, которая рвалась прыгнуть в дыру, вслед за своим Англичанином.

А Ирина Петровна, случившаяся рядом с Адолией, пропела, а, вернее, прорыдала романс: «Нет, я не верю... Нет, я не верю звезде иной, звезде иной...».

А мы все молча стояли, молча стояли, совершенно не представляя, что ж нам теперь делать, пока Нина Федоровна не сказала: «А, может, пойдем к свадебному столу?» Сказала предположительно.

В эту самую минуту во дворе Куравлевых, странным образом, опять встряхнулся и запел петух.

Пока полковник Дон Хуан де Сантис перебирал в памяти героические образы, шофер monsieur Серж Гардон, с рыжими волосами и голубыми глазами, он же штатный сотрудник той организации, которую в конспиративных целях назовем БББ (в его обязанность входило не столько охранять полковника, а, прежде всего, следить за ним и особенно за его взбалмошной женой Лолитой), уже любезно открывал дверцу машины.

– Серж, – сказал полковник, – дайте скорость, как вы уме-

ете, не обращайтесь внимания на светофоры.

– Слушаюсь, mon colonel (Гардон косил под француза, разумеется, имя и фамилия шофера изменены).

Серж дал скорость. Иномарка с затемненными стеклами мчалась по улице Бодякова и при выезде на проспект сбила старушку на переходе.

– Не останавливаться! – приказал полковник.

– Так точно.

Полковник, как бы про себя, несколько смущенно сказал, впрочем, прямо ни к кому не обращаясь:

– Жалко старушку, чего она дура замешкалась. Надо было смотреть по сторонам.

– Так точно.

Лолита молчала. Упрямо разрабатывая версии преступления. Конечно, то были пока еще стремительные броски ее интуитивной мысли. Она всегда доверяла своей интуиции, однако ей не хватало трупа. Скорее! Скорее! Скорее увидеть труп артиста Г. Пospelова (фамилия убитого изменена и, в интересах следствия, не может быть оглашена).

И только когда кто-то из экспертов откинул простыню и перед ее глазами открылось изуродованное лицо, Лолита успокоилась. Достала из сумочки сигареты. Закурила. Сквозь дым сигареты она огляделась. Узнала черные пиджаки БББ и КУК (к последней аббревиатуре в народе, привыкшем ко всякого рода конспирации и запретам, добавляли один гласный звук, что напоминало вечерний крик птицы,

по которому определяли оставшиеся годы жизни). Знакомая картина. Сотни раз виденная. Для ясного оскальпирования ее интуитивных мыслей, они (черные пиджаки), естественно, мешали. А что поделаешь? И все-таки Лолита, сдерживая себя, загасила зажженную сигарету в ладони. Не почувствовала боли. Для нее необходимо было открыть внутри себя горизонт, который должен ужиматься до единственной точки. Тогда уже можно действовать, принимать решение.

Появились с камерой телевизионщики. Черные пиджаки попытались их задержать. Но те сумели прорваться и сразу же начали командовать:

– Откройте простыню.

– Свет! Здесь ни черта не видно, как у негра в ж...

– Направь на лицо. Чтоб рельефнее показать. А можно повернуть труп, тогда нам удобнее? Нельзя?

– Отойдите! – приказала Лолита. Она наклонилась.

– Видите, – показала Лолита черным пиджакам на место, где было сердце погибшего артиста, – маленькая дырочка на рубашке. И нет крови. Точный выстрел.

– Да, мы это уже видели.

– Направь свет на грудь, – приказал оператору телевизионщик. – А покойный не был педерастом? – обратилась Лолита к черным пиджакам.

– Мы эту версию уже отрабатываем, – раздался ответ.

– Убийство на почве ревности, – тихо сказала Лолита. – Бытовуха, – тихо, словно только для себя. И отошла курить

к окну. Попробовала открыть окно. К ней кинулся помочь черный пиджак, кто-то из КУК.

– Назад! – остановила Лолита. Она сама взяла стул, влезла и чуть приоткрыла окно. Посмотрела вниз. Девятый этаж, и не последний. Внизу двор. Машина «скорой помощи», чуть поодаль ее машина. Серж вышел из машины, а полковник сидел внутри.

Ей еще раз захотелось осмотреть труп, но без свидетелей. Нет, этого ей не дадут. Телевизионщики скручивали кабели, убирали аппаратуру.

– Вам все ясно? – спросил черный пиджак представитель БББ.

Лолита кивнула.

– Мы проведем еще тщательную экспертизу. Собственно такая работа уже делается.

– Чтобы ничего и никого не найти.

– Ну зачем вы так? – в его голосе прозвучала обида. – Мы уже сделали фоторобот подозреваемого.

– Прекрасно, – кивнула Лолита и, не взглянув больше на труп, закрытый опять простыней, пошла к двери.

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

SAFEGUARD

Туалетное антибактериальное мыло

**ОБЕСПЕЧИВАЕТ ПРОЧНУЮ
ЗАЩИТУ ОТ БАКТЕРИЙ**

ВСЕХ ЧЛЕНОВ ВАШЕЙ СЕМЬИ

**Даже запах тления вы сможете
превратить с помощью**

SAFEGUARD

Фернанду Песоа (1888–1935) была фраза: «Дайте мне мои очки! Я хочу увидеть все, что будет дальше».

Носите очки фирмы «Джон Леннон». Фирма гарантирует вам долгую жизнь. Если жизнь ваша не будет долгой, то имя Леннон ведь что-то значило?

Самый низкокалорийный овощ:

Капуста?

Редька?

Морковь?

Огурец!

Может быть, или все же редька? На пачке кефира указана жирность продукта в процентах. А почему же никому не придет в голову для удобства покупателей указать на калорийность

Капусты

Редьки

Моркови

Огурца

ПОЧЕМУ?

Что такое любовь? Ну, что же такое любовь?

Для тайных свиданий лето всего благоприятней... На рассвете любовники еще находят что сказать друг другу. Они беседуют между собой, но вдруг где-то прямо над ними с громким карканьем взлетела ворона. Сердце замерло, так и кажется, что их увидели. (Сэй С₃нагон «Записки у изголо-вья». Конец X века).

Разве я не ценю качество?

(Реклама сигарет Winston)

**МИНЗДРАВ УЖЕ В КАКОЙ РАЗ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ:
КУРЕНИЕ ОПАСНО ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ**

Мы двигались теперь в обратном направлении, от дыры по улице Преображенской.

Нашу невесту Адолию вели сестры Вера, Надежда и Любовь и мать их Софья, а над нами летела черная птица, и она, вытянув шею кричала, и Адолия кричала, и хор под управлением композитора Араб-оглы закончил песню-плач самыми грустными в этом мире словами: «Милая моя, не возьму тебя, там, в стране далекой, чужая мне не нужна...», и Никаноров вырвал щепку из правого кармана пиджака, и показал, что это ведь сам товарищ Калинин Михаил Иванович вручает ему самый главный орден и жмет ему руку, и что у него таких фотографий сколько хотите, а если не верите, то можете сами спросить у товарища Калинина, и открывались окна на улице Преображенской, и люди высывались из окон, чтоб посмотреть на невесту, которая стала и вдовою, и наш тамада Василь Васильевич, не поднимая головы, говорил, как бы для себя: «Горько». И люди в окнах повторяли: «Горько...»

И «тррр-тррр... уить-уить...», но то пели не птицы, а сигналили стоящие вдоль дороги машины, а навстречу нам ехали «МАЗы», до верху груженные пустыми бутылками из-под водки, и на первой машине рядом с шофером сидел мусорный мужичонка Шурик, и когда он увидел нас, то отвернул-

ся.

– Чего это он так гордо? – спросила Нина Федоровна, впрочем, ни к кому прямо не обращаясь.

А Ирина Петровна, впрочем, тоже без особой надежды, пропела: «Но я не верю... Нет! Я не верю, не верю я звезде иной, звезде иной...»

И вдруг Адолия вырвалась из рук сестер, и побежала фейерверком, решительно откидывая в стороны мозаику прежних сомнений, скорее, скорее назад к дыре. И пока бежала, не думала, не думала, как поступит, что будет делать... Только бы добежать... Еще до дыры оставалось буквально несколько метров, когда услышала внутри себя, в самой глубине, четко английскую фразу: «I love you... sorry...»

– Жив! – крикнула она.

Monsieur Серж открыл дверцу машины перед Лолитой. Она проскользнула молча внутрь, где ее ждал полковник Дон Хуан де Сантис. Закурила.

– Ну так что? – осторожно спросил полковник. – Домой?

Лолита удобнее откинулась на сидении. Продолжала молча курить. Машина стояла на месте.

– Домой?

– Гады! – пропираמידели ее сжатые губы.

– Какие гады ?

Ответа не последовало. И вдруг сквозь кольца дыма, едва слышно:

– Он жив.

– Не могу тебя понять.

– Я еще должна все обдумать. Будем ехать медленно, кружить по городу.

– Серж, зажмите скорость и катафальте. Дом отменяется.

– Слушаюсь, топ Colonel.

Машина как бы двигалась и одновременно как бы стояла на месте.

– Ло, моя девочка, я хочу понять, что же произошло?

– Да все просто: они подбросили чужой труп.

– Зачем?

Ответа не последовало. Машина нырнула в довольно глубокую впадину гробового молчания. Полковник не выдержал, закашлялся от дыма. Он даже в детстве не курил, хорошо зная предупреждение Минздрава.

– Кхе, детка, я понимаю, твоя профессия таит загадки. Но как ты могла догадаться? Я давно подозревал, что у тебя надзвездный взгляд.

– Нисколько. Банальная близорукость. Мы, близорукие, можем различить ржавое пятнышко в ушке иголки. А увидеть пятно на трупе – это моя профессиональная обязанность. Они подбросили старый труп.

– У меня голова кругом: значит тот не труп, а этот откуда взялся?

– Что, у нас в городе мало трупов?

– Да, прости, трупов хватает. Даже более чем хватает, я не то хотел спросить, но зачем?

– Политическое убийство.

– Убийство кого, который жив?

– Пока жив.

– Почему же политическое? Он же артист детского театра.

– Аполитикиразвенеартисты? – в одно слово спросила Лолита.

– В каком-то смысле, но все же...

– Ты что не понимаешь, – прервала Лолита, – мы дышим политикой. А искусство – та же политика, только иными средствами. И кто-то ведь должен не дышать.

– Возможно. Детка, я уверен, что не все эксперты близорукие, но они должны разобраться чей труп?

– Полковник, не будь наивен.

Они замолчали.

– Пусть Серж прибавит скорость, – разорвала молчание Лолита.

Заполненная до самого горла тревогой от появления в небе черной птицы, бывшей жены, с которой, как надеялась Адолия, все отношения прерваны у ее законного жениха, а иначе зачем он добровольно посетил сайт в Интернете, зачем он провел с ней ночь в дыре (об этом факте они с Англичанином не объявляли публично, это, в конце концов, их личное дело), и она еще более горько подумала, сегодня она сама прилетела, а завтра с ней прилетят дети, а, может, и внуки, да если уж рубить под корень, то остаются безутешные страдания их новой молодой жизни, так ведь, если грубо

говорить по-немецки, так это heftiger Schmerz, да, жестокая боль... Адолия посмотрела в небо. Чистое, прозрачно-солнечное, как помыслы почти невинной Адолии.

Посмотрела в дыру. Черно. Будто как в детстве она закоптила стеклышки, чтоб увидеть в глубине другую сторону земли, мы ее называли Америка. Хотя никто из нас еще не прыгал в дыру. Может, не только страх нас задерживал на самом краю, а что-то другое, чего мы сами себе не могли объяснить. Через черные стеклышки мы видели, как там летали на своих серебристых крыльях стрекозы, а там, дальше, если приглядеться, если очень хорошо приглядеться, прыгали желтошерстные каяты, и среди высокой голубой травы то и дело выскакивали зеленоглазые муяты, там тоже было небо, только очень низкое, сладкое, как леденцы, а под небом горы оранжевого мороженого.

И, больше не задумываясь, Адолия сиганула вниз.

Артикуляция звуков оттуда в некоторый период времени не циркулировала. Но совершенно определенно космические аппараты фиксировали, что оттуда истекает энергия. Еще не ясно, в какой, так сказать, внешней оболочке, в форме ли умственной силы или несколько иной силы. Нет, то не были логические понятия, но все же биополе над дырой покрывалось рябью, как бы подчиняясь легкому ветерку, и время от времени из глубины доносились языковые построения, напоминавшие вавилонские переплетения, когда можно было зафиксировать некий звук: «Ах!» Даже систему зву-

ков: «Ах! Ах! Ах!»

И когда к дыре подбежали сестры Вера, Надежда и Любовь и мать их Софья, а также мы все остальные, кроме мусорного мужичка Шурика, из дыры вылезла Адолия в свадебном платье, а за ней показался преображенный в прежнее свое обличие Англичанин – колючий ежик волос, круглая голова, тот, наконец, кто и должен был сидеть с ней рядом за столом, пить водку и не считать заграничных ворон в небе.

– У нас своих ворон хватает, – философски облагозвучил Витя Никаноров, между прочим, подполковник, которому сам Михаил Иванович Калинин, всесоюзный староста, вручал орден, о чем у Вити в правом кармане пиджака имеется документально подтверждающий фотодокумент.

– Серж! – скомандовал полковник Дон Хуан де Сантис.

– Прибавьте жизненной силы машине, – и оглянулся на Лолиту.

– Правильно ли я понимаю, домой? *a la maison*? *Non*? *Pas encore*?

– Полковник решил продолжить расспрос. – Так все-таки, детка, я не все понял.

– *Laissez-moi en paix!*

– Извини, Ло, я не хочу тебя тревожить. Я сам военный и понимаю, что это все твои профессиональные тайны. Бог с ними, с трупами, но ты держись только на кофе. Я сегодня с раннего утра приготовил тебе наши сибирские шанежки с картошкой, ты ведь так их любишь. Давай все-таки заедем

домой, я тебя покормлю, – и он позволил себе усмехнуться. – На голодной куме ведьмы пляшут.

Лолита продолжала курить, молча смотрела в затемненные стекла машины.

Полковник с трудом переносил молчание жены. Хотя они не были расписаны, но Дон Хуан знал, как прочно в лунке его сердца расположилась эта длинноногая красавица, и чувствовал, что в ней спрятан заряд большой силы, примерно сто-сто пятьдесят килограмм в тротиловом эквиваленте, и он на верху БТРа, дорога пустынна, рядом одинокие деревья, дорога изрыта взрывами, удушающий запах гари, БТР привычно трясет, но душу выматывает (ему не надо закрывать глаза, чтоб сразу все увидеть и оценить ничтожные шансы на оставшуюся жизнь), а пока ему неудобно за ее упорное молчание перед Сержем, и он делает тщетную попытку сманеврировать и поворачивает резко в сторону.

– Я постараюсь тебе рассказать, как я готовил шанежки. Не знаю, начать ли с приготовления теста? – Не услышав возражения, Дон Хуан бодро продолжал: – Берешь литр молока хорошей жирности, пачку дрожжей, я предпочитаю французские, да, сухие, три столовых ложки сахара, сыпешь с верхом две чайные ложки соли, неполных. Наливаешь теплое молоко, типа парное, разболтал, сыпешь муку, тут действуешь по ситуации, срабатывает интуиция, как на поле боя, не знаешь, откуда в тебя стреляют, учебник не годится. Навык ориентироваться на местности, ну и, конечно, опыт, чуть

зазевался – и готов. Помню, прошли наши БТРы, танки, я был с автоматчиками на последнем БТРе, оглянулся на дорогу, а там лежит труп, отутюжен до фанеры, где его душа... Извини, я отвлекся... Значит, что я говорил? Смешиваешь дрожжи с мукой, разбиваешь три яйца, добавляешь сливочного масла, граммов 250, я люблю финское несоленое Valio, экологически чистый продукт. Растапливаешь масло, слегка теплое, а потом месить, когда однородная масса, подсыпашь муки, и крутишь до густоты творога. Крути что есть сил, крути...

– Я поняла, – остановила Лолита.

– Но это же не все.

Лолита загасила сигарету.

– Прикажи, Сержу, чтоб ехал к дому артиста.

– Вы слышали, Серж?

– Mais si!

– Тогда прибавьте скорость.

– Скорость не прибавлять, – раздался по радиотелефону голос в машине. – Полковник Дон Хуан де Сантис, вы отправляетесь в служебную командировку.

– Когда?

– Немедленно. Над вами будет вертолет. Борт возьмет вас.

– Слушаюсь, – полковник встал и ударился о верх машины.

– Интересный поворот, а шанежки мы с Ло так и не попробовали, – усмехнулся де Сантис.

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

Тебя зовут Джуди? Нет? Хорошо. Но ты не сможешь отрицать, что приняла ванну с ароматическим маслом пачулей? Какой великолепный запах! В одну минуту разрушит любую преграду на своем пути. Вперед, Джуди, или как тебя зовут?! Да, масло пачулей – гарантия успеха.

Если ты устал, хочешь отдохнуть, не торопись брать в руки оружие... HONDA – силовое оборудование – газонокосилка, сделана в Японии: удобна, надежна, экономична, а главное – совершенно безопасна для тебя и окружающих.

Идеальные параметры девушки :

Рост 175

Грудь 82

Талия 60

Бедра 90

Понятно, что все измеряется в сантиметрах.

Разумеется также, что пожилые девушки в эти игры не играют. Все самое интересное, как утверждают продвинутые ныряльщики, происходит на глубине десять-пятнадцать метров... Там такая подводная красота! Крутые ребята едут нырять на Мальту, вернее – на маленький островок Камино, где голубая лагуна... и кораллы и мурены. Ну, в общем, туда... Крутые, туда!

– Сколько мы будем торчать у этой дыры, – сказала Нина

Федоровна, впрочем, ни к кому прямо не обращаясь.

– Верно, – подхватил на лету мысль тамада Василь Васильевич.

– Коль жених в наличии, надо чтоб по-людски, и дальше, понимаете ли, будем гулять на свадьбе.

Адолия сразу же крепко ухватила за руку своего законного Англичанина, повела в нужном направлении. Теперь впереди шел Василь Васильевич, а за ним мы все по улице Преображенской. Из окон домов, как и положено, выглядывали проживающие там, кричали:

– Нашелся?

– Что ли, в Америку хотел улететь?

И за всех объясняла медсестра Гермина Ярославовна:

– У нас не улетишь. Контролируем ситуацию.

А из окон шла своя дискуссия:

– Вроде, жена его прилетала с детьми и внуками.

– И что с того? Как прилетела, так, понимаете ли, и улетела. У нас своя подруга жизни приготовлена, – это уж отбивался Василь Васильевич.

– Оно конечно, – соглашались в окнах, – молодая завсегда слаще старой...

А некоторые сердобольные кричали:

– Деток жалко.

– Мы своих деток напурфырычим, – поставил точку Семен Гаврилов. Лично я мог и красивее окантовать, но зачем, думаю, контрофилировать дальше, и, поскольку я не привык

выступать на собраниях, тянуть руку, брать слово, вы, наверное, заметили, что я отсиживаюсь на последней скамейке, не умею высовываться, так мне спокойнее, да в наше время лучше не надо, не разберешься, как говорится, без пол-литра... А между прочим, мы уже вошли опять в сад матери Софьи и неразлучных сестер Веры, Надежды и Любви и уже сели за свадебный стол, и тамада Василь Васильевич уже поднял стакан с водкой, а медсестра Гермина Ярославовна еще раньше до того успела наверстать упущенное и налила себе по новой, и подтянулась к столу Мирра Евсеевна, и, заметив опоздавшую, Василь Васильевич сразу вспыхнул красноречием:

– Ну, что, уважаемая Мирра Евсеевна, как вы наблюдаете, за кого, понимаете ли, нам сейчас намочить горло, чтоб закипела кровь в груди?

– Ах, какие тут мои предположения?

– Так что, понимаете ли, получается? Вы, уважаемая Мирра Евсеевна, не сильно возражаете, если мы им предскажем – совет да любовь...

Мирра Евсеевна не успела ответить, как мы все закричали:

– Совет да любовь! – И еще: – Горько!

И кругом разорвало потеплевший весенний воздух смехом и застольным выпиванием, и кстати тут грянул мужской и женский хор рабочих и служащих под управлением композитора Араб-оглы:

Эх, речка моя, хоботистая, Неглубокая, неширокая, А утопчивая...

– Посмотрите, на Адолию, – вставила слово Нина Федоровна, – она пополнила в талии.

Когда уже полковник Дон Хуан де Сантис, попрощавшись с женой, поднялся по спущенной с вертолета лестницы из машины, где его личный шофер *monsieur Serge* даже не заглушил мотор, и когда борт развернулся и начал набирать высоту, и шум от его винтов еще висел над дорогой, спокойный голос Лолиты переломил внезапную паузу:

– Чего ты стоишь, езжай.

– Mais o`u, madame?

– Давай, Сережа, домой.

– Вы же хотели сначала ехать к дому артиста?

– Опомнись, чего ты мне выкаешь?

– Извини, я понял. Значит, как всегда?

– Наконец-то. Сначала удовольствия, потом дела.

Машина полковника быстро набирала скорость.

– Может, пересядешь вперед?

Лолита не ответила, она молча курила. Потом наклонилась, обхватила его руками за шею.

– Ты так сжимаешь, будто хочешь меня удушить.

– Пока нет, – она засмеялась, выпустив струйку сигаретного дыма.

– Это страсть, *monsieur Serge*, как называет тебя полковник, – и разжала руки.

– У тебя страсть? Не смейся.

– Ты думаешь, если следишь за полковником и за мной, если спишь со мной, то тебе все обо мне известно? Ошибаешься. – И резко: – Рыжий, поворачивай к месту преступления!

Дальше всю дорогу они не произнесли ни слова.

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

Вы спите, а они растут! Жесткие, колкие, толстые!

Что же делать? Удалять с корнем, то есть ЭПИЛИРОВАТЬ. Все модели нового поколения эпиляторов philips будут работать на вас.

Никаких колкостей! Скорее измени жизнь! И останется только нежность и ласка.

Маленький человек XXI века – это яппи (yuppie – young urban professionals). Молодые городские профессионалы, амбициозные и энергичные, следящие за собой и лояльно настроенные политически. Яппи обслуживают богачей. Познакомиться с яппи можно на ярмарке тщеславия.

Имя: Кевин Пулсен. Виртуальное имя неизвестно. Супер-трупер-хакер. Взломал астрономическое количество серверов и систем, причем сделал это настолько виртуозно, что его пригласили в Пентагон – руководить там всеми защитными системами.

Исчезают лягушки во всем мире. Лягушки, жабы и сала-

мандры являются своеобразным барометром окружающей среды. Огромные потоки ультрафиолетового излучения губительны для кожи лягушек, состоящей из микромембран.

Американский эксперт Алан Симпсон считает, что зеленые твари обречены.

То, от чего сегодня умирают они, завтра убьет нас.

Памятка:

«ПРАВИЛА И ПОРЯДОК ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИ УГРОЗЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА» (краткое изложение)

В любой обстановке не паникуйте. Уберите с окон горшки с цветами (поставьте их на пол).

Заклейте стекла окон полосками бумаги, если есть возможность – закройте окна щитами. Сложите в сумку необходимые Вам документы, вещи для случая экстренной эвакуации.

По возможности реже пользуйтесь общественным транспортом. Если есть возможность, отправьтесь с детьми и престарелыми родственниками на несколько дней на дачу, в деревню, к родственникам за город.

Цветы на платье Адолии заоблачно смутились от слов Нины Федоровны, и наша невеста с тихой музыкой сердца посмотрела на своего принца, пусть не такого молодого, пусть с колючим ежиком волос на круглой голове, и, как говорится, естество времени оставило там немало своих памяток, и овражки от прошлых зим, и красная шишечка на темени,

что ежиком не заросла, да теперь, пожалуй что, не зарастет, и сам принц этот, Англичанин, никак не отреагировал, а за-
конспирировал себя на стакане с водкой, намериваясь ее от-
править внутрь себя, как вдруг его кто толкнул под локоть,
не донес стакан, даже чуть пролил, поглядел на Адолию.

А она глядела на него

И он со стаканом водки в руке

А надо бы уже кричать ГОРЬКО!

Естественно, нам казалось, что мы слышим их праздник
счастья, поскольку редко кому из нас обламывалась такая
удача, и, чтобы разрядить обстановку, медсестра Гермина
Ярославовна сказала:

– Если он правда Англичанин, то он все-таки хоть немно-
го, а шпион. И нашей Адолии не надо на него так праздни-
чно глядеть, пусть на него поглядят наши органы, а с демо-
кратией можно еще погодить, – и она прицельно, в один дух,
уговорила стакан с водкой.

А Семен Гаврилов кинул свою лопату угля в разгоревшу-
юся топку, благо дверца была для всех открыта:

– Если он олигарх, ать его за уши, то ему хана, ей-бо, Адо-
лию жалко, – Семен, прежде чем выпить, аккуратно вытер
ладонью рот.

– Чего такое хана? – пискнула Мирра Евсеевна.

– Хватит! – крикнул тамада Василь Васильевич. – Разве-
ли, понимаете ли, тут заупокойные видения, чтоб это, пони-
маете ли, прекратить! Забыли, чего у нас? У нас, если в ста-

ром исчисления, важнейшее организационно-хозяйственное мероприятие, свадьба.

А свадеб пока никто не отменял, так или нет? Тут сидит молодежь Вера, Надежда и Любовь, а также мать их Софья, чего они, понимаете ли, скажут?

Молодежь только захихикала, но выступить не стала.

– Неужели и любовь отменят? – тихо, как бы себе, сказала Нина Федоровна, да еще прошептала: – Как же деток рожать?

– Без любви можно, – опять кинул уголь Семен Гаврилов, – американцы в пробирках детей нафурычили...

– Замолчите! – крикнула Адолия.

– Американцы нам не указ, – поднялся тамада Василь Васильевич.

– У нас своя идиллия спокон веков, и куда это, понимаете ли, хор пропал?

– Мы здесь, – откликнулся композитор Араб-оглы.

И сразу хор грянул цыганскую величальную:

– К нам приехал, к нам приехал Англичанин удалой! Англия, пей до дна! Англия, пей до дна!

И мы сразу поддержали, расслабились.

А между тем дни прибавляли в яркости света и тепла.

– Сережа, – прервала молчание Лолита, – жди меня в машине.

Она вышла на тротуар рядом с домом, где жил артист Поспелов.

Посмотрела вверх, точно ждала, что Гриша выглянет из окна.

Перед ней была знакомая девятиэтажка. Она училась с ним в третьем, четвертом и пятом классах обычной школы, совсем не элитарной. Он еще тогда пробовал ухаживать за ней. Такой же очкарик, как и она. Да, она смеялась над ним. Он не обижался.

Удивительно – столько лет. И потом ни разу не встречались. Не видела, как он играл в театре. Да и зачем бы ей ходить в детский театр? Вспомнила, он говорил: «Мы, очкарики, должны помогать друг другу». Глупость, конечно. Она чувствует, что он еще жив...

Только где он? Ведь они его обязательно убьют. Но у нее есть время, совсем немного времени.

Лолита решительно подошла к машине. На секунду задержалась:

затемненные стекла, как молчаливые экраны телевизоров. Не думала раньше, как выглядит ее машина со стороны.

Рыжий предупредительно открыл дверцу.

– Сереженька, – стараясь придать голосу нежность, – поезжай домой, а я тут останусь. И не обижайся на меня, дорогой. Я погорячилась. Все забудь. Выброси из головы.

– Я на работе. Так вас не ждать?

– Зачем это «вас»?

– Как прикажешь? Понимаю, у тебя своя работа.

– Да, дорогой, я еще тут покопаюсь. Обследую подходы к

дому, надо найти следы, каждый камушек осмотрю, поговорю с жильцами. В общем, рутина, долгая и безнадежная, а ты езжай. Когда освобожусь, вызову тебя. А скорей всего возьму машину у БББ, они, наверно, еще толкнутся в квартире.

Лолита убедилась, что машина уехала. И пошла прочь от дома, предварительно проерив, что хвоста не было...

В вагоне электрички ее охватило странное ощущение нереальности. Она с трудом протискивалась среди людей с потными лицами, совершенно равнодушных к тесноте. Никто на нее не обращал внимание. Она сквозь черные очки, как если бы вдруг попала в муравейник, приглядывалась к этим двуногим муравьям. И зачем у них сумки? Куда поезд уносит их?

Почему сквозь затемненные стекла машины она на них никогда не обращала внимание?

Ей были понятны убийства, интриги, слезки, таким воздухом она дышала. Но, оказывается, интересно хоть раз просто посмотреть вблизи на так называемых простых людей, пользователей общественного транспорта.

ГОЛОС В РЕПРОДУКТОРЕ

Граждане пассажиры! Не забывайте в вагоне свои вещи. О всех забытых вещах сообщайте машинисту поезда или работнику милиции.

Она не заметила, чтоб возникло какое-то беспокойство.

Будто никто ничего не слышал.

ГОЛОС В РЕПРОДУКТОРЕ

Люберцы первые. Следующая остановка Панки.

В Люберцах многие сошли. В вагоне стало просторнее. Вдруг рассмеялась: «Я похожа на инопланетянку. Вокруг меня чужой вид живой материи».

– Молодой человек, – обратилась Лолита к парню в джинсах и черной футболке с крупной белой надписью впереди «I love you». – Малаховка вторая остановка?

– Панки, Томилино, Красково, Малаховка четвертая.

– Спасибо, – она улыбнулась парню.

И парень улыбнулся ей:

– Я тоже схожу в Малаховке, – он достал из матерчатой сумки, что висела у него через плечо, бутылку пива, открыл, отхлебнул из горлышка, посмотрел на Лолиту. – Хотите?

– Очень.

Она выпила немного пива, буквально несколько глотков, и сразу ощутила себя уютней, с радостью сознавая, что она тут тоже может быть своей, да еще молодая, а рядом приятный парень.

– Вы к знакомым?

– В общем, да.

– Погостить на неделю?

– Нет, мне хватит несколько часов.

– Вы у нас бывали?

– Никогда.

– И далеко живет ваш приятель?

– Кажется, это улица Толстого или...

– Может, Тургенева?

– Да, вы правы. Помню, что улица имени русского классика.

– Вы заблудитесь. В Малаховке таких много. Нам сходить, скорее...

– Я не услышала, как объявляли...

Парень схватил ее за руку, раздвигая левым плечом столпившихся в тамбуре, потащил ее к выходу. Они успели выскочить на платформу прежде, чем закрылись двери электрички.

Лолита достала сигареты. Парень вытащил зажигалку, но она опередила. Парень тоже закурил. Они стояли на платформе. Их обтекал народ, и, хотя они мешали, никто не обругал, Лолита автоматически это для себя отметила, как-нибудь еще поеду в общественном транспорте. Решительно сказала:

– Вспомнила: мне на улицу Добролюбова, или нет, Белинского.

– Видите, сколько в Малаховке писателей.

– Да, у вас тут не улицы, а собрание сочинений русской классики. И было ей спокойно. Она словно забыла, зачем приехала.

– Вам надо на другую сторону, ближе к Удельной А я, между прочим, живу на улице Совнаркомовской. Может, зайдешь, я еще пива принесу. Выпьем, а?

Как было бы просто с ним, она засмеялась, ткнула пальцем ему в грудь и быстро пошла по платформе.

– Пожалеешь.

Она крикнула уже издали:

– Прочитай, что у тебя там написано.

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

В поселке Малаховка на площади перед рынком возведена двухъярусная клумба, ее венчала ваза с цветами (сначала была идея построить здесь фонтан. Потом замысел был изменен). Газета «Малаховский вестник» опубликовала фотографию клумбы под крупным заголовком:

«МЕСТО ВСТРЕЧИ – НА ПЛОЩАДИ У ФОНТАНА».

5 сентября 2000 года состоялось официальное открытие клумбы. Собрались люди, произносились речи, были исполнены «Малаховский вальс» и другие музыкальные произведения, в том числе, звучал мотив с запоминающимися словами: «Малаховка, конечно, не Одесса, но тут неплохо можно отдохнуть...» А когда перерезали красную ленточку, то бесплатно давали пирожки с яблоками, куски арбузов из Астрахани, разливали чай из самовара. Накануне лил сплошняком дождь, а в этот день светило солнце.

Осень – вечер года. Начало осени – с 27 августа по 23 сентября. 8 августа в п. Красково г-ка Д. нанесла телесные повреждения своему бывшему мужу, а г-н Р. из хулиганских побуждений нанес телесные повреждения г-ну П.

20 августа г-на С., 71 года, покусала собака в левое предплечье. Собаке, видимо, не понравилось, что от г-на С. сильно пахло алкоголем. Отвезен в ЛРБ ¹ 2.

Земельный спор возник между соседями Смирновыми и Морозовыми, проживающими по Тургеневской улице 66 п. Малаховка. В результате стычки Смирнова Т.Ю. попала в Красковскую больницу с частичной парализацией левой руки и ноги и из-за ушиба головного мозга. По версии Морозовой М. В., это именно Смирнова (48 кг) избил ее и двух ее взрослых сыновей, весом по 90 кг!!! И легла в больницу, симулируя побои.

«Маргарита Васильевна, не ровняйте всех по себе. Если Вы всю жизнь придумывали себе болячки, то это не значит, что все живут так же, как Вы» – пишет 23 августа 2000г. в «Малаховский вестник» Вера Смирнова, 14 лет.

Движение воздуха в саду у сестер Веры, Надежды и Любви и матери их Софьи наполнялось теплом, как в ночные, так особо в дневные часы. Знойный июль радовал нас, поскольку мы выпивали без дождевых помех.

– Посмотрите на нашу невесту, – опять вставила слово Нина Федоровна, – как все-таки интересно пополнела Адолия в талии. И мы еще из-за стола не выйдем, как уже будет

счастье ей и ее законному жениху.

А мы сначала поглядели на Адолию. От июльского счастья накопившаяся в ней энергия передалась бумажным цветам, и они распустились на ее свадебном, чуть-чуть помятом платье, и она все-таки побывала в дыре, и она потеряла в познании реальности, и сущность ее молодости вполне напиталась нужными соками, тут мы не дети собрались, а дети под столом ползают, да на деревьях сидят, и она уже не просто невеста, как мы истолковали слова Нины Федоровны, уже и женщина, не выходя из свадебного стола, а насчет выпивки не стоило никак зрительно беспокоиться, главное – презимовали, и потом, в соответствии с движением времен, весенним дождем нас секло, что было то было, так мы народ давно ко всему притертый, а сколькими постановлениями могла истребить нас местная власть, да еще которая повыше, об этом за столом не будем говорить, а то Гермина Ярославовна кому надо просигналит, и теперь Адолия властно сокращала, мы это без слов понимали, геометрию расстояния между А и А, что соответствовало моменту, и мы теперь уж посмотрели на второе А, то есть на предмет ее геометрического интереса, Англичанина: он честно стакан за стаканом освобождал их от водки, даже без рекомендации тамады Василь Васильевича, который опустил на грудь буйно-седую голову, кстати, он рано поседел, за что и получил прозвище Седой или Вася-седая голова, и маленько выпустил необходимые на свадьбе вожжи управления, заснул и даже похрапывал.

Тут же прикрутился мусорный мужичок Шурик:

– Глядите, Англия тоже нашу водку уважает.

– Боже мой, о чем вы говорите, – вскричала Мирра Евсевна, – это же культурная нация, у них король и королева.

– Вот и я об этом, – смутился вниманием Шурик. И тут же хлобыснул стакан с водкой.

– Жиропот, жиропот, воткни вилку в живот, – засмеялся своей шутке Семен Гаврилов.

– Мамка! Мамка! – закричала Лидка. – Папка зовет.

– А чего ему надо? – спросила Нина Федоровна.

– Седанка без времени пришла.

– Он ее, что ли, пригнал?

– Сама пришла.

– О Господи, и погулять на свадьбе руки отбивают. Лидка, ты ему скажи, пусть сюда идет.

– Не, он не может. Пьяный лежит.

– Ой, какой завсегдашний. Нет, чтоб с людьми посидеть, выпить по-человечески на свадьбе, как обычится. Один у него ветрометр, чтоб дома нахлестаться. Скоро приду. Видать, Седанку надо доить. Корова, а поумнее твоего папки.

– Горько! – крикнул проснувшийся Василь Васиьевич и понял, что мягкое видение на опушке леса, когда он мальчишкой лежал, скрытый от всех человеческих глаз в траве, а от близкой реки тянуло сырым и мягким ветером, а в бочажке торчала коряга, хорошо ему известная, поскольку он не раз доплывал до нее, конечно, не с этого высокого берега, где

он лежал, а с пологого, у картофельного поля, что было на задах деревни, и это не частное, а колхозное поле, и на голодуху они ходили туда с пацанами и даже с бабкой Анисьей, которая сердилась, если ее так называли, и бабка давно померла, а была она такой длинной, что ей не сразу и колоду подобрали, и все равно ей было не уместно лежать, хотя ее все-таки зачихнули, обложили еловым лапником, и он видел ее темные от непомерной работы и солнечного нагрева ручки, сложенные на груди, и погасшую свечку, которую бабка и задула, так как до чрезвычайности была всем недовольная, хорошо еще, что лапник не раскидала, и не хотела смиренно, по-покойнически отдыхать, полагая что без нее все перепьются и дом сожгут, что потом и случилось, а при своей жизни требовала, чтоб ее называли Аленой, по-культурному, ведь «мы тут не в черном угле живем – нам дорогу из Селезневки проложили, даже с асфальтом», и Васька бабке не стал цитировать правду, а про себя даже хмыкнул носом, поскольку асфальт почти сразу побили, и машины в распутицу опять попадали в такие ямы, что приходилось их цеплять трактором, и шоферы ругались, особо когда машину перевора... и вдруг на его мысль дыхнуло нехорошим ветром, и он увидел, как из бочажка на него полезла рогатая коряга, только это не коряга, а бык, и рогами на него, и он успел достать из-за пазухи нож, когда понял, что никакая это не коряга, «Не балуй! – закричал Васька.

– Сейчас ножом упечатаю!», «Да ты чего развоевался,

дурак? На бабуку замахиваешься!», «Это ты, баба Алена?» «Ну...», «Ты же умерла!», «И чего с того? Поди ты теперь тоже не молоденький, и ты помрешь...», «Я?», «Убери эту штуку», – она показала на кинжал, «Алена, как тебе там?», «С чуток погоди, сам узнаешь.

Теперь я Анисья... Анисья... Анисья...», и в тот же момент сон заштукатурился, а земной реализм сразу его очухал, и он опять увидел свадебный стол, и поискал глазами Мирру Евсеевну, чтобы обрести форменные слова:

– Кхе, кхе, понимаете ли, уважаемая Мирра Евсеевна...

И тут с неожиданным предложением поднялся Олег Иванович Сычугин:

– Пусть молодые поедут в свадебное путешествие. Какие на этот счет будут суждения?

– А куда ж мы денемся? – забеспокоился мужской и женский хор под управлением композитора Араб-оглы.

– Вместе с ними поедем, – объяснил Олег Иванович. – В путешествие виртуальное.

– Как это, понимаете ли, понимать? – забеспокоился за свой авторитет окончательно проснувшийся тамада Василь Васильевич.

– Органично понимать, жених из Интернета, значит, и путешествие виртуальное, – и, не давая опомниться тамаде, ухватил инициативу. – Поступило предложение поехать в Италию, в город Рим. Прошу голосовать: кто – за, кто – против. Воздержавшиеся есть? Двое. Англичанин, жених. Кто

еще? Василь Васильевич. Принято единогласно.

Англичанин вдруг проявился:

– Sorry, – и выпил стоя стакан с водкой.

– Видите, – обрадовался Олег Иванович, – жених с нами, предлагаю ехать немедленно.

Вдруг подполковник Витя Никаноров прорезался сипло, с надрывом:

– Это было под городом Рым-ом...

Помолчал и опять затянул:

– Это было под городом Ры-ы-мом...

И всех нас, кто осуществлял свадебное застолье, качнуло уже в Интернетовской паутине.

«Добролюбова, угол Белинской» – только в детстве могло так четко отпечататься в ее голове. Она шла по шоссе, вдоль железной дороги, и ей до безумия хотелось свернуть налево, она как бы находила в холодном, безбрежном море струю тепла, помнила, что в детстве, когда прятали какой-нибудь предмет, закрывали ей платком глаза, перекручивали ее, говорили «холодно, холодно, тепло, тепло, горишь!», она всегда выигрывала, даже маленьким ребенком, в конце концов, дети с ней отказывались играть, она даже пыталась нарочно не находить спрятанный предмет, но это ей плохо удавалось, «горишь!» – кричали ей, теперь уж не детская игра, и ставки другие, она заставила себя не думать о последствиях, главное – не потерять эту узкую теплую полосу... Неожиданно на нее надвинулись ржавые холодильники, раз-

битые унитазы, пустые бутылки для воды и прочий человеческий мусор, а за ней бетонная стена, метра два вышиной, на которой аршинными черными буквами «Мусор не бросать. Штраф 10000 р.», шоссе поворачивало налево. Интуиция подсказала – поверни... Заборы... заборы... нет... еще далеко... песок дорожки... сосны... перелесок... снова заборы... А, может, лучше кого-нибудь спросить? Что спросить? У кого? Заставила себя не читать название улицы. Да разве название улицы ей важно? И все-таки она прочитала: «Салтыкова-Щедрина № 5», и засмеялась: «Раньше в Малаховке жило много евреев, даже здесь где-то еврейское кладбище. Неужели евреи так любили русскую литературу? Между прочим, в Грише, кажется, была частичка еврейской крови, и хватит...», отдых кончился, ее внутреннее интуитивное чувство пробудилось, снова подхватила теплота течения... дорога резко повернула направо, узкий проход между двух заборов из штакетника, близко к заборам подступали сады со старыми яблонями, ветки их свисали под тяжестью налитых плодов, захотелось протянуть руку, сорвать яблоко, вцепиться зубами в горьковатую сладость, нельзя останавливаться, «Я как собака, взявшая след», а запах все сильнее, и засмеялась над собой, «Хорошо, что не посыпали табаком, чтобы сбить меня»... ее вынесло на новую улицу, краем глаза увидела, что на железобетонном столбе фонаря голубой краской столбиком написано «Не спеши!», это что, для меня? Но не задержалась на этой мысли, почему-то легко вспомнила на-

звание поселка «Май», да это где-то здесь, но это не имеет отношения к улице Добролюбова – угол Белинского, зачем она так кружила, увидела железный вагончик, прошла мимо, еще дальше, где-то тут, совсем рядом, увидела сплошной бетонный забор, за ним каменный особняк, типичный дом «нового русского», интуиция подсказала, что тут следует остановиться. У нее не было четкого плана. Перед ней, если так можно выразиться, неприступная крепость. Таких крепостей много сейчас по Казанке, да только ли здесь? Лолита перевела дух. И вдруг вспомнила кусок текста из ее любимой книги Андрея Болотова, написанной в XVIII веке и как бы совсем не относящейся к ее делу (у нее была фотографическая память): «И, братец, так зачем же тебе ходить такую даль домой обедать; а ты можешь обедать вместе с нами. Мы, по милости Николая Андреевича, имеем для себя всегда готовый стол, и ты можешь всегда есть вместе с нами. Пойдем-ка, сударь! Я доложу о том самому генералу». Лолита оглянулась и увидела маленькую хибарку, рядом с каменным гигантом, похожую на утлую лодочку, на ее шиферной крыше росла трава и даже тоненький клен с уже пожелтевшими листьями.

Хибарка, как сказка с хорошим концом, потянула к себе Лолиту, и она толкнула калитку, кое-как сбитую из черных от дождей досок, и та закачалась, готовая упасть на землю, если бы Лолита вовремя ее не удержала, и, вступив на узенькую тропинку между высоченной крапивой и желтой пиж-

мой, еще не доходя до черного крыльца, Лолита крикнула:

– Эй, хозяин!

Никто не ответил.

Крикнула громче:

– Хозяин, к вам можно?

Решительно пошла к крыльцу. Доски у крыльца разбиты, и такое ощущение, что там никто не живет. Толкнула дверь, раздался скрип, довольно зловещий, подумала она, стараясь разглядеть в полутьме комнату:

– Эй, ктонибудь здесь есть?

И тотчас из соседней комнаты вышла маленькая старушка, закутанная в серый шерстяной платок.

– Вы из собеса? – спросила старушка неожиданно звонким голосом. – Дак к нам другая вчера приходила. Спасибо, у нас пока еще все есть. Да вы присаживайтесь к столу. Чайку погрею.

Маленькие окошки позволяли увидеть стол без скатерти и единственный стул, в верхнем углу комнаты небольшая темная икона.

– Не беспокойтесь.

А старушка уже внесла пузатый, почерневший от времени самовар. И легко поставила его на стол. Открыла буфет, достала оттуда два стакана и сахарницу. «Вот почему мне Болотов из XVIII века вспомнился», – подумала Лолита.

– А чаек из травок. Чай дорогой, верно?

Лолита кивнула. Вытащила сигареты и пистолет-зажигал-

ку. Не решилась закурить, зажала сигарету в кулаке, смяла.

– Как вас зовут, бабушка?

– Марлена Никитична. Тебе трудно сказать, дак ты меня бабкой Марленой зови, а то еще просто Матреной, я не обижаюсь.

– Бабушка, вы не интересовались, кто у вас тут рядом в особняке живет?

– Там-то, – и она махнула рукой в сторону. – Ктой-то живет, да они все на машинах.

– Бабушка, вы садитесь. А то я сижусь? Я встану, а вы садитесь, пейте чай.

– Сиди, девонька, я скамеечку принесу.

Когда баба Марлена села, Лолита взяла стакан с чаем. Отпила немножко. Травяной напиток оказался вполне возможным, даже вкусным. За чаем легче расспросить, только надо не торопиться.

– Бабушка, а как ваша улица называется?

– Нынче мудрено, а ранее просто «Навозная». Дальше картофельное поле было, дак навоз возили, чтоб землю удобрить, и огороды были, все свое, хорошо жили, а тепер и того лучше, в магазин когда зайдешь, любой тебе товар, только деньги готовь, а так – пожалуйста, красота. Замечательно.

– А из соседнего дома, может, в магазине все-таки случайно кого-то видели?

– Случайно? – и наклонилась к Лолите, заговорила шепотом. – Точно. Видела одного, в магазине. Зубы золотые, и

весь-то он в золоте, огнем светится. Сигареты покупал. Продащица ему сдачи десятку дает, а он не берет. Представляешь, девонька, десятку не взял. Рукой так – не надо. Десятку не взял – и опять к машине. Да, мы сейчас хорошо живем. Спасибо товарищам из правительства, ни в чем нужду не мыкаем.

– Что это? – Лолита услышала мычание в соседней комнате.

– А-а, сеструха меня зовет. Одиннадцатый год лежит, никак не помрет. Только зудит, надо будет ее пошевелить. Я ее мою, обихаживаю. Моложе меня, а вот поди ж ты, болеет, ты туда не входи – дух тяжелый, помереть – не помирает. Что ж тут поделаешь?

– Я пойду, – сказала Лолита. Старуха ее уже не слышала, вскочила с табуретки.

А Лолита пошла большими шагами туда, куда и должна была раньше направиться, но оттягивала время. Еще не дошла до ворот, как услышала голос:

– Лолита Александровна, мы вас давно ждем.

Рядом с воротами отодвинулась маленькая стальная калитка.

Она вошла в нее. Калитка за ней закрылась. На песчаной дорожке никого не было. Опять раздался тот же голос:

– Не торопитесь. Идите спокойно. Шесть ступенек вверх. Не споткнитесь. – Стеклопанная дверь ушла вправо, когда Лолита встала перед ней. – К лифту. – скомандовал голос.

Она шла по такому мягкому покрытию, что не слышала своих шагов.

«Мышеловка» у Шекспира», – подумала и сразу же услышала тот же голос:

– Совершенно верно, у Шекспира. Попробуйте ни о чем не думать? Вряд ли удастся. Да вы заходите.

Она не заметила, как вышла из лифта и оказалась в большой комнате. Навстречу ей из-за стола поднялся высокий блондин, по обе стороны от него сидели двое в камуфляжной форме, с лицами, закрытыми черными масками.

– Николай Петров, – протянул он руку.

Голос у него был не тот, что слышала, – мягкий, с иностранным акцентом. Она не подхватила руку, но тот будто не заметил и быстро пригладил волосы:

– А мы вас очень сильно ждали.

Она опустилась на стул с высокой резной спинкой.

– Вы крепко зажали окурочек в кулак. Не стесняйтесь, бросьте на пол.

Лолита раскрыла ладонь, окурочек выпал. И вдруг почувствовала, что у нее впервые в жизни закружилась голова.

– Вам плохо? Кружится голова?

Вдруг ее это рассмешило:

– Нет, спасибо. Вы так хорошо все обо мне знаете. Отбиваете хлеб у частного детектива.

– Ну, что вы, Лолита! У вас прекрасная интуиция, но, как говорится, на всякую мышку есть свой яд. Мы имеем свой

аппарат мысли.

Лолита огляделась – вся комната была обшита белым деревом. «Наверное, финская береза», – подумала Лолита.

Два широких окна. Комната пустая, почти посередине длинный белый стол, вокруг совершенно одинаковые деревянные стулья с высокими спинками. На спинках вырезаны павлин и цветы, стиль а ля рюсс.

Она достала сигареты и зажигалку-пистолет. Но высокий, перегнувшись через стол, опередил ее. Чиркнул своей зажигалкой. Она с удовольствием закурила.

Подумала: «Они подготовили мне сюрприз. Только ошибаются, если рассчитывают, что я испугаюсь. Давно не боюсь за свою жизнь».

– И напрасно, – резко прозвучал голос из динамика.

Пятнистые в масках и блондин вскочили, замерли неподвижно. Голос в динамике не то засмеялся, не то ушел в кашель. Замолк.

За столом все сели.

«Вот и заказчик преступления, а это шестерки, только исполнители» – подумала Лолита.

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

Стройка – лучшая политика.

XX век – «век атома» принес с собой атомную бомбу.

«XXI век станет веком не атома, а гена, – сказал акаде-

мик Ю. Лопухин. – Терапия, лечение самого гена, позволяет теоретически ставить вопрос не только о продлении жизни людей, но и о принципиальной возможности достижения их бессмертия».

В 300 метрах от Мариинского дворца, где размещается законодательное собрание Санкт-Петербурга, было совершено очередное преступление. Днем, при выходе из машины около гостиницы «Астория», были убиты женщина 35-40 лет и мужчина. Не пожелавший представиться сотрудник гостиницы отрицает связь кого-либо из постояльцев гостиницы с данным происшествием.

Внимание! Только лучшее и только для вас. Поездка в Египет – Хургада, Эль-Гуана, Шарм-Эль-Шейх. «Интас». Не уппусти возможность!

(«Малаховский вестник» от 13 сентября 2000 года.)

Эпиграф. «Многое оставляет желать лучшего, но и лучшее оставляет желать многого». Г. Малкин.

«На нашей улице праздник» – под таким заголовком газета поместила отчет и фотографии об открытии двухъярусной клумбы на площади перед рынком. «Маленький праздник на нашей улице, который хоть ненадолго отодвинул суету на задний план. Улыбка даже случайных прохожих – лучшее доказательство тому. Может, что-то изменилось в нас?» – такими словами окончила отчет о празднике газета.

Происшествия

26 августа. В дом на ул. Добролюбова проникли неизвестные и украли норковую шубу, золотые изделия, часы – всего на 150 тыс. рублей...

28 августа в состоянии алкогольного опьянения подобрана неизвестная по имени Света...

Опять зять побил тещу, 2-ку С. 41 года. Ушиб окологлазной области, алкогольное опьянение. Помощь оказана на месте...

Всего с 28 августа по 3 сентября – 162 вызова «Скорой помощи». Смертей – 8, родов – 1.

Сентябрь. Желтеют деревья, ветер и непогода, брачный гон у зверей, раннее наступление сумерек. Приметы: много желудей на дубу – к лютой зиме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.